

СМЕНА

Иванова

3

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В СОВХОЗЕ «ВОСТОЧНЫЙ»

На четвертой странице обложки: Фотохуд В. Руйковича.

«Совхоз «Восточный»... Всего год назад бескрайная степь аблаки рек Тобола и Ангары была разбужена звонкими голосами юной и девушки, приехавших в далекую Чаловскую область поднимать целину. Впервые у подножья «Каменного верблюда» засверкали фары автомашин и победно загудели тракторы.

«Палатки, полевые кухни, походные кухни...» — так выглядел совхоз «Восточный» той памятной весной, так описал его наш корреспондент в фоточерке, опубликованном в № 12 «Смена».

Поразительно изменились эти места с тех пор, когда по зову партии сюда приехал первый отряд новоселов. Здесь построено около пятидесяти благоустроенных жилых домов, здания школы, столовой, пиварни, бани. Заботливыми руками труженников совхоза на берегу Тобола разномы посажены фруктовые деревья. Вечерами в окнах домов и на улицах поселка зажигаются электрические огни.

Новоселы добились крупных успехов в труде. Комсомольцы с честью сдержали слово, данное Родине: тридцать две с половиной тысячи гектаров целины подняты ими только с весны прошлого года! Наши старые знакомые — комсомольцы Иван Спирихин, Николай Мельник и Владимир Несмеянов, бригадир тракторной бригады Сергей Лячугин, тракторист Иван Волоншинов являются лучшими людьми совхоза.

На снимках: 1. Дети рабочих совхоза идут в школу. 2. Лячугин Борис Осадчий вручает свеклу спору комсомольца Вале Сидяки. 3. На этом месте скоро вырастет дом... 4. Агроводы Юрий Голубев и Татьяна Парамонова проверяют хранение зерна.

На 1-й странице обложки: тракторист совхоза «Восточный» Николай Комаров (слева) и Иван Волоншинов после удачной охоты в выходной день.

Фото и текст В. Сметанниа.

Василий ФЕДОРОВ

ОБИДА

Поэма

В Сибири так:
Глоток испивши,
Ты вскинешь воду — и твой взгляд
Увидит, что к земле застывшей
Не брызги падают, а град.

Здесь хватка у мороза злого
Крепка, остра, как волчий зуб...
Ты слово вымолвишь — и слово
Ледяникою сметает с губ.

Весною
Стан березки волготой,

Как хочешь, гин и выпрашивай...
А в эти дни во не трогай,
Легко сиюмнешь —
Но лодыж!

В изнанах,
Выставных снегам,
Шумит понузула куга...
Ты хочешь проследить глазами,
Как начинается пурга.

Вокруг бело.
Как бы в логоне
По гребням здешних полугод
На белых, белых, белых конях
Мотельный вылетит дозор.

Замрет...
Попалянет...
И — по краю,

Рисунки А. Лур'я

Приснившись и гитиснува зло,
Метнется, как бы выбирая
Короткий путь
В твоё село.

А след за ним,
Гроза бедою
И диня гибелью самой,
Пурга наданется ордосо
И вся копротет белой тьмой...

...Село стояло у реки,
В плену у бури иужумой...
Не помини и старик,
Чтоб так дрожали от пурги
Домов нетесаные бревна...

Семь дней тижелый динлся плен,
Семь дней она пугала воем...

Прозрания всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Февраль. № 3. 1955 год.

Год
издания
32-й

И под защиту крепких стен
Повсюду скрылось все живое.
Укрылись люди и стада...
Но трюхан стал разгул метельный
На ту, восьмую, ночь, когда
Иссяк кормов запас недельный.

Мигает свет,
Шуршит, хрустит
В зурбих влетел последний веник...
В просторном тепле не спит
Льшь сторож, старый инвалид,
Да Настя, юный зоотехник.
Она, лицо к печи склонив,
Глядит, глядит
Как углем тлеют...
У Насти щенок то беднотю,
То пламеняют от огня.

Любовь к ней в сердце постучалась,
Как путник в обгорелый кров...
Она с Олегом не встречалась
Семь длинных зимних вечеров.
Вдруг кувалда всю ее заполнил,
Как коты — медь,
Как пламя — пещь...
Еще и язычье губы помнит
Счастливые минуты встреч.
Припомнит, будто обожжется...
И вновь горлычк уст...
В них и поныне березится
Тех почулывеж теплота...

Очулывеж...
Минется, что скрипит
Саней железные полозья...
Нет, это только плач ягнят
Да тихое бжезье козье.
Уже не любитесь огнем,
Что плашет над сугробом полонем...
Все ждет, что посланные днем
Вернутся фуражиры с сеном!
Чтоб взглянуть в ночную мигу
С ее глухим голосам,
К оледенелому стеклу
Прижалась теплыми губам.
И вот увидела в глазах,
Как в детстве видела когда-то,
Что будто зернь,
Седой, косматый,
Урча, о раму чешет бок...

А фуражиры нет и нет,
И Насти след сдвирнуть не может.
— Ты вышел бы, взглянул бы... дед!..
А дед твердит одно и то же:
— Где я с центральной,

там уже
И лютый зверь не порозвется...
А голод, Настя, сторожей,
Сама ведь знаешь, не бонтася...
Не выду, нет...

И вновь старик
Твердит про вора да про зверья...
Подняв высокой воротины,
В слезах метнулась Настя к двери.

Снежный дым
На сугробах курьтася,
Вихри снега свистят над селом,
Будто белая-белая птица
Пронюхнется вихрь, развалитися
И ударит по Насти крылом.

И она,
Разгораясь, как в пылесю,
Осмелела — бывать не бывать!..
Теплой варежкой
Праздничной вязки
Перестала лицо закрывать.

С ней, такой,
Ничего не случится,
И девческая рука
В комсомольские окна стучится
Чуть сильнее,
Чем стучала пурга.
Тук-тук-тук!
— Расставайтесь со снами!
Тук-тук-тук!
— Одевайтесь теплей!..
Фуражиры с пустыми санями
Возвратились на фермы с полей...

И опять,
Забывая о тропах,
Настя тонет в холодных сугробах...

Вот заслон
Частокопоз знакомых,
Вот она ухнет на бегу
Эти тонкие ветки чермухы,
Этот изысканый домик в снегу,
Этот старый свирешник тесовый,
Вознесенный на самый конек,
Эти ставни и эти засовы,
А за ними сполоу огонек.

По боптливому
Вальсаму свизу,
Настя сполоу не в меру слыла...
Но ни разу, ни разу, ни разу
В этом доме она не была.

Ей случалось порой вечерами
В паниксаднице с амальгам сидеть,
А когда проходила утрами,
На окошко стыдилась глядеть.
Шля немая, прямая... К тому же
Почему-то все чудилось ей,
Что в око
Через дырочку кружка
Мать любимого смотрит за ней.

А у той
За плечами повалил
Если что не по ней, то беда...
День и ночь она точит Олега:
Дескать, больно уж Настя горда.
То и дело твердит, не смолкая:
Мол, такую не тронь, не обидь...
А поможитесь, будет твоя
Из тебя же веревочник выпл.
Мол, отца я за то и любила,
Что не бегая за мной, как телок...
Делай так, чтоб по-твоему было,
Настя свилает,
А ты — попереки...

Только Настя об этом не знает,
На крыльцо она смело вбегает...

Может, сплетия поутру помнится, —
Пустяк да!..
Настя не видит греха,
Что в закрытую дверь жениха,
Не стыдятся,
Там упрямо стучится.
Тук-тук-тук...
В темноту, за порог,
Настя кинула, малость робея:
— Выстрой!.. В красный мди уложю...
Только, слышнись...
Одемся теплей!..

Когда любовь
Не улаченею,
Девчата в севках для робят
Как знак особого значенья
Перчатки вяжут и дарят.
В надежде,
Что и Настя свилает,
Ее Олег — то смеял, то твх,
Все чаще спрашивал: «Кого же
Ты, Настя, мне подарить из?»
Она сначала лишь смеялась,
А после в красном уложе
Уже частенько примерялась
Ее рука к его руке.

Уголок
Называется красным,
Хоть на диво всегда побелен.
В нем лишь стол
Покрывается изыск.
И торжественным цветом знамен.
Чтобы кандид, светлея душою,
У такого стола
Мерой

самой большою,
большою
Иммерал свою жизнь и дела
Уголок называется красным,
В нем
Упряго кумача
Много времени отдаю страстным
Комсомольским речам.

Все здесь было:
Друзья прдрренья,
Смех и шутки, обиды и страсть,
Даже слезы...
А это собрание
Провели в пять минут, не садясь.

А за окнами
Комнатик тесной
Уже начал спор, как враги:
Громиль джизеля голос железный
И разбойничий похвист пурги.
Джизист отгадал комсомольцев
И сказал, что в опасный поход
Только шесть или семь добровольцев
Самых смелых
С собою возьмет.

Труден путь,
И опасен, и долог!..
С этой дымной девчата глядят
Из-под длинных ресниц на робят,
Выбирая, кто люб им и дорог.
Все ли
Трудности встретят достойно —
И пурги, и сугробы, и тумь!..
За любимого Настя спонояна:
Как себе,
Она верит ему.
Вот и он в молодежном кругу,
Ее милый Олег!
У Олега
Темный чуб еще в звездочках снега,

Даже брови густые в снегу.
Товаро
Взгляд у него беспопоек,
Грустен он, и задумчив ой
Что-то доброе сделать — такоу,
Чтобы стало ему веселей...

И а любви, не пугая огласки,
Чтобы не был тревожен и зор,
Свою варезкою праздничной вязки
Настя первой бросает на стол.

Шесть подруг
Шесть улыбок зазорных,
Одобривших Настю вполне,
И семь пар,
И простых и узорных,
Запестрели на алом сукне.
Оживилась влюбленная юность:
Парики, цвет выбирая родной,
Шесть оскобых путевок —
На трудность
Разбирают одну за одной.

Настя вздрогнула, как от удара,
Стыдно стало на стол ей глядеть:
На девичий позор

На пара
Остается на алом белеть.
— Ну возьми же... В такие метели
Не помнует холод стеной...
У Олега глаза потемнели.

— Что ты, — крикнул, — командуешь

— Нет же, нет... Это ради поездки...
Говорит она тихо ему.

— Знаешь, Настя, на данном отрезке...
Предоставь мне решать самому...

Так они
Говорят меж собою...

А у двери,
не очнем речист,
Средь парней, подошедших гурьбою,
— Идем седьмого! — зовет востепил.

Смывалась Настя,
На раде участвоу,
На которое дружба легка:
Из-за спи
К белым варезкам Настя
Противилась чужая рука.
Добрый жест для нее не спасенье.
Повторяет, бледна и прамя
От нежданного оскорбленья:
— Я сама... Я поеду сама!

Настя — а двери,
И сразу морозный
На Олега подул ветерок...
Он уже спозвательства, да поздно —
И стон у стола,
Одиноку.

Чтоб от гибели
Фермы колхоза спасти,
Дизель
В ночь —
напряжком —

без путей
Шел, играючи силой восьмидесяти
Большегрузды степных лошадей.

Он дрожал,
Пробираясь сквозь дной бурян,
Связоз сугробы почти по прамой.
Ослепительный свет
Пробивал, как трава,
Белый снег, перемешанный с тьмой.

Нет ни звезд, ни луны,
Чтоб ребятам на глаз
Отличить здесь от юга восток.

Может, Северный полюс
Доступней в это раз,
Если на поле загорячий стог.

Горько Насте.
У нее все Олег на уме,
Как на раны едучая соль...
Распухалась, Бараба!
Пусть а твоей кутерьме
Приостудится настина боль.

С шумом
Бросился к стору ребятя,
Чтоб в работе себя разогреть...
В пять минут штыковая лопата
Откопала июньскую цветя,
Заструился настой ароматный,
Как в понос,
На тропе луговой:
И ромашкой запахло, и мятой,
Подсыхающей в полдень травой.

Тем обиднее чувства перемена.
Резкой, злой нагоняю мороз,
Дев отапки плазучего сена
Ветер вырвал из рук — и понос!..
И с обидой подумалась Насте:
У нее сию
Из многих подруг
Неудачливо взятое счастье
Тюже вырвано прямо из рук.

Чем она
Перед кем провинилась!
Вихревой прокинула вырван,
Вару ослабла она, опустилась
На цветы
С приозерных полей.
Не успела лахучая мята
Молодой головы завернуть,
Как заметила Настя ребятя,
Стали Настю они тормошить.
— Встань же, встань! —
Дизелист ее просит,
И она отвечает ему:
— Что мне делать, ноль ветер уносит
Все, что в руки свои ни возьму...

Встала Настя,
Ничто не приметил
Крутых слез, наблывших у ней.
Тает стог:
Часть уходит на ветер,
Часть — на длинные жерди саней.

Жизнь не луг:
Лишний раз не поносим,
Лишний дной про запас не найдем.
На воз много кладям,
А приносим
Иногда и не все, что кладям.

Стихли бури,
И ветры ослабли.
Уверюет как сказкой творцы,
Будто перемес внешние капли
Прямо с юга приносит свирцы.

И деревенским картинкам подвесит,
Намывая на ближней веревке.
Капли крупными вдруг заблещат,
Задрожат,
И начнется капель...
И нечет
Всего силой земною
Из себя выходить Бараба.
Завучит над озерной страной
Лебедная в небе труба.
Свяжигт за сердце страстные звуки,
И тогда
От несных тревог
Будешь тихо сномать свои руки,
Если ты, молодой, одиноку.
Загомыся душа, затоскует,
Чем да душа, и нежно любя,
И целует тебя, и млнует,
И не смотрит потоа на тебя.
Боль-обиду от горьких намешек
Росквашивает картинная мата:
— Ах, какую невесту, Оленек,
Упустила ты!
Нельзя упустить!

И неробая властная сила
Слова и Насте Олега веддет:
— Настя, ты же наш садик любила...
В нем — черемуха... Видишь, цветети!..
Только в сияе а тебя обнимало
И целую... Не мучь и не май!..
Подобиди, а бунет намолово
И тебе подоро...

— Не ломай!..
Не ломай. Цвет черемузи белый
Мне напомнит опять о пурге...

О пурге!
Замер кулст онемелый,
Задрожал у Олега в руке.
С белым цвет обрывает он с бетоу
И упорно твердит:
— Погляди,
Погляди сияе в глаза напоследок...
Настя, а уходи...
— Уходи...

А сама
С опечаленным взором,
Опасившись повторной мольбы,
Торопливо уходит к озеру.
Занойной, пестрой от гад Барабы.
А на этих озерах в условный,
Запримеченный Настею час
Тихо лебеди выплывут, словно
Летягой сон.
Чуть коснувшись глаз,
Под лучам перо серебрится,
А вода то светла, то темна...
И дрожат камыши, как ресницы,
Пробуждаясь от легкого сна...

Долго Настя в тени простояла,
Пританцовывая за мной густой,
И как будто несчастие стала
Перед этой занойной красотой.

У тропинки,
Что с детства знакома,
Все березки нарядны, прамы,
Лышь одна из них,
С меткой надломом,
Не оправилась после зимы.
Кто-то а стужу прошел этой тропкой,
Тронул тонкую он, порослив,
Оттого-то так робко, так робко
Развернулся узорчатый лист.
Вот и ранка уже затянута
Внешним соном, тугачуа, как мед...
Про любовь,
Про горькую юность
Ветер новую песню поет...

«ДИЗЕЛЯ ПРИШЛИ!»

Рассказ

Рисунки И. Шеберстова.

Новые машины ждали в МТС с самой осени. Но вот уж и Новый год прошел, а их нет как нет. Даже директор начал удивляться:

— Что за причуда? В красном управлении официально заверили: нам занарядило шесть «ДТ-54». Куда же они запропастились?

— Вот тебе и новая механизация! — ворчал у мастеровой тракторист Мишка Шмаков, заканчивая ремонт машины. — Остаемся с нашими старыми приками на весну! Зря и три месца на переподготовке было...

Мишка забрался на сиденье и в сердцах нажал на педаль. Створный «ХТЗ» с грохотом выкатился из ворот мастеровой и, точно сплутнувшись, остановился в облаках дыма посреди двора.

— Что же здесь автат? Тут не за что и хватать! — Шмаков с досадой оглядел трактор. — Давно по тебе макевская домна сучает!

Помощник бригадир Яков Тараненко поднял капот мишкиного трактора и внимательно осмотрел мотор.

— Пользуйся, горе-механизатор, — сказал Яков, — только контакт нужно было заводить! На этой машине социализм стирался в станицах, а ты...

Мишка виновато покосился на трактор, как-то боком сел на сиденье и, осторожно вращая скорость, повернул на развезженную дорогу.

— Однако вечером Тараненко явно усматривал в мастеровой восторженный голос Мишки:

— Эх, ребята, этот дизель новый! — несем машину машин! Насчет горючего самая дешеная, солярка его заправляют. А работу — только давай!

...Однажды позвонили со станции: ДТ МТС прибыло несколько платформ с грузом.

— Дизеля пришли! — закричала Мишка. — Я же говорил, что вот-вот напрунт!

Совещание трактористов, во время которого было получено это известие, пришлось прервать. Все кинулось на станцию. Люди на улице останавливались, смотрели вслеп бегущим. Какая-то бабка забеспокоилась: не пожар ли где?

— Нет, дизеля, наверное, пришли, — поспешил ей прохаживать в брезентовом плаще.

Он постоял немного, провожая взглядом трактористов, и вдруг, точно забыв все свои дела, тоже быстро зашагал на станцию.

На товарином дворе стояло несколько платформ с голубыми, пахнущими оаифой пшеничорусными пугами.

— Эх, народ! — окурочено вгляднуха инженер МТС Семен Корнеевич Калугин,

заметив, что трактористы явно разочарованы и без особого энтузиазма сгружают пуги. — Разбалабавались, позабыли, чем в сорок четвертом пахали! Тогда ведь чуть ли не однообразные целалаи. А теперь, значит, не рады и таким богатяркам? За год думаете всю, как есть, механизацию получить? — Он поднял указательный палец. — А сколько на великие стройки машин! Нужно доставить, забавля! А на цемент? А ну, раз-два, взыма! Еще, взыма!

— Верно Корнеевич сказал, — заметил Мишка после разгрузки. — Я от своего приятеля письмо получил со Сталинградской ГЭС, он там в комсомольской бригаде. Вот, пишет, машин! На Курской дуге, и то меньше было.

Потом была еще одна ложная тревога. На этот раз пришли квадратно-гнездовые селки и новые шестирядные культиваторы. Радовались механики и посевники, любезно оглаживая машины. Только трактористы хмуро держались в стороне.

— Нет! — махнула сокрушено рукой Шмаков. — Не выдать нам этой весной настоящую механизацию...

И вот настал долгожданный день.

Миа обеснанный перерыв. В мастеровой парадная тишина. Молчала станица, только слышно было, как гас-то под мотором одиночно капала вода. По контуре расхаживал сторож дядя Никита. Он смотрел в окно на гладко вымощенный двор и вспоминал, как еще недавно здесь стояло болото и до котормы приходилось добираться, перескакивая с камня на камень. Размышления его прервал настойчивый звонок телефона. Дядя Никита нехотя прошел в кабинет директора, взял трубку: — Старший охранник Крохалева слушает.

Ильгиз КАЛИМУЛЛИН

МОЙ ДОМ

Там, где пустырь темнел бурьяном,
Построил ям новый дом,
Но господ за окном
Грозят спать его огнем.

Что их тревожит: вид цветов ли,
Что на оие моем стоят,
Иль голуби на мирной кровле,
Иль девочки счастливы взгляд!

Сильно люблю мирной строймй,
Иль золотой хлеб густым,
Или рыды коровий мим,
Что мне открыли мир широкий!

Ильчя улыбкою простой
Мне улыбается с портрета.
Я верю: будет все планета
Озерена улыбой той!

И пусть враги навея запомнят,
Что воздвиг на сопе лет
Дом, где висит на стенах коммат
Родного Ленина портрет!

г. Казань.

Вдруг высиче усы и мохнатые брови сторожа стаи подниматься кверху. Он бросил трубку на стол, кинулся во двор и бежал вокруг котормы. Никого!

Дядя Никита пришел и забарабанил дядя Никита в одно радиодиспетчерской.

В эту минуту ушла угаа дома выбежал Мишка, всплеснуа руками и помчался к столовой. И сразу двор наполнился народом.

А радист приказал вызывать бригады, только что выхвачие в степь. И через поля, покрытые зеленешей озимью, и балки с явшим снегом, через реки и голые сды астеи горячие, зеленыванные сава:

— Пришли! Дизеля пришли!

Семен Корнеевич, выступая на собрании, всегда говорил тем сухим языком, котормый порой у нас бытует в официальных докладах.

— Калугин в данную МТС, — говорил он на совещании трактористов, — новые высокопроизводительные машины, дирекция, уваяз вопрос с отделом механизации... то есть со мной, с инженером... решал на тракторы «ДТ-54» перевести существующих водителей, согласно их высоким показателям, и, так сказать, по дисциплине... Тараненко Якова Павловича!

Трактористы гулко зааплали в ладони.

— А помощником бригадиром он останется? — выкрикнула кто-то.

— Временно, по совместительству, — отвечал Калугин.

— Справится! — крикнул пареня! — несамые одобрительные возгласы.

Коммунист Тараненко, молодой еще человек, сидел, смущенно улыбаясь, на первой скамейке. Яков давно знал, что он должен перейти на новый трактор, но внимание товарищей глубоко тревожило его. Тем более, что не все могли перейти на новые машины.

— Семенов!
— Кужуа!
— Рудак!

И каждый раз, когда Калугин называл новую фамилию, Мишка Шмаков, сидевший неподалеку от президиума, вздрагивал.

— А вот эту кандидатуру, — сказал Семен Корнеевич, глядя поверх мишкиной головы, — требуется рассмотреть весторонне. Замечено, что данный товарищ без желания начал ремонт трактора. Тут явно налицо настроение: зачем, мол, нам теперь старые машины, когда в связи с постановлением о развитии сельского хозяйства нас новой техникой забросают.

Не обращая внимания на протестующие жесты Шмакова, Калугин строго заключил:

— Тут подумать надо. А о ком говорим в данном случае, сам знаете...

Слово взяла Тараненко.

— Правильно, было такое настроение у Михаила Шмакова до нашего с ним разговора. А теперь он понял, что никак задумываться все из старой техники! — Тараненко решительно взмахнула рукой.

— Парень он, конечно, горячий. Но и новая машина тоже не любит на малых оборотах поворачиваться.

Трактористы настроились, не понимая, к чему клонит Яков.

— Так что, товарищи, они вполне по характеру друг другу подходят. Мои предложение — перевести Шмакова на дизельный трактор.

— Провалию, Яша! — запнулся вое.
— Парень с икрой! Таких новое деало
любят!

— Ладно, на работе проверим, — согла-
сился наконец Семен Корнеевич, отмахиваясь от вздрагивавшей подковой кинчи-
ной руки. — В общем, считать решение
единогласным.

— Последняя кандидатура — наш самый
пожалуй механикатор Федор Никанорович
Омельченко, — уверенно провозгласил диже-
нер. — Надеюсь, возражений не будет?

— Есть возражения!

Еще повернулись в ту сторону, откуда
послышался этот глухой голос. Невысо-
кий седой человек в старой замасленной
фуфайке и такой же кепке неторопливо
поднялся со скамьи.

— Товарищ Омельченко! Это как пони-
мать? — растерянно спросил Каутуин.

— Не пойду я, — возразил старый тра-
кторист, хмуро вставая в пол.

— А, а motivi?

— Мотивов нема, а не могу я... и все.

— Да ты что, Федор Никанорович? — за-
беспокоился инженер. Он хохотнул ладонью по
разложившимся на столе бумагам. — Ты
же смотри в перспективу...

— Я смотрю в... перспективу, — все так же
хмуро ответила Омельченко.

Каутуин вдруг затих, словно вспомнил
что-то. Минуту все молчали. Трактористы
с интересом смотрели на двух старых то-
варищей, которые, как было всем известно,
начали здесь работать на одном тракторе
еще в двадцать восьмом году.

— Федя! Как это понимать? — каким-то
особо задумчивым голосом заговорил ин-
женер. — Думаешь, нам пора молодым доро-
гу уступать?

— Нет, — покачала головой Омельченко. —
Только как же. Семья. Семен Корнеевич...
Ведь считать, без малого двадцать годовков
мы с ним вместе. И вдруг... Далеко к ней, —
он сдернул с головы старую кепку, в кото-
рой, сколько его помнит, всегда ходил, —
и то привик. А она ведь вещь неодуше-
вленная...

Слова с трудом срывались с его языка.
Он махнул рукой и поспешно опустил ее
на скамью.

Каутуин вздохнул. В молодости, после
гражданской войны, он с Федором
Омельченко работал в кузнице. Деало бы-
ло простое — кому тяжку скаплати, кому

крючок к колпаду сделать или коня под-
ковать. Перебивались кое-как, но кузниц-
ны не оставали. Большую часть време-
ни они тратили на изобретательство. Ка-
ких только чудес тут не видели станич-
ники: паровой велосипед, чьим в виде
глубоуса, что сразу день, месяц и год
прокачивали, а обку даже солнце — латуный
шарик точно, когда ему положено, «вхо-
дила и заходила». Только это никого не ин-
тересовало в то время. Часто навывалился
лишь Кузимова — локомотив, у него был.
Надеялся он заманить их к себе в маши-
нство. Зайдет и уляжется елеиню: «Все
выдумываете!». А вы, часом, из бурка
золота не можете изобрести? Химики!»

Пришло время — и словно востро выме-
ло из станицы и Кузимова и других бо-
гатеев. Локомотив уже давно с удвоен-
ной силой гудел на колхозном току, будто
стараясь оправдать свое недоробе про-
шлого. Дикимыми часами красовались в
правлении колхоза и каждый час вызва-
нны знаковую боевую мелодию:

Смыло мы в бой пойдём
За власть Советов...

Оставив в угау кузницы недоделанный
паровой велосипед, Семен и Федор ушли
работать на трактор «Фордзон», привезен-
ный из далекой Америки. Бывало, залезет
этот маленький трактор в грязь и ни туда
и ни сюда.

«Ну, что, американец? — добродушно го-
варивала Каутуин, пачем выталкивал
машину на сухое место. — Не под силу тебе
русский павист, потерни чутки! Скоро
тебя станицградские скасят!»

И стечественные машины пришло. Ка-
туина назначали бригадиром, потом по-
сала на учебу. Предлагали учиться и
Федору, но тот отказался: «Кому же зем-
ло пахать?» И как сез на «СТЗ», так и
не слезла с него до сорок первого года.
Вернулся после войны и нашел свой тра-
ктор на заворках МТС, в густом бурьяне.

«Отъезжа, и все тут... Да и пора уже, —
оправдывался тогда перед Омельче-
нко Семен Корнеевич, который приехал в МТС
после ранения, еще в сорок третьем го-
ду. — Совсем негодная машина. Металло-
лом.»

Товарищ механик! — одергивая по воен-
ной привычке гимнастерку, сказал тогда
Омельченко. — Разрешите, я его испытаю.

Федор запрел на несколько недель в
старой кузнице, которая еще стояла рядом
с уездной МТС. Самнню было, как он
что-то точно так и стучал молотком. И вот
устройство старого тракториста вызло свое:
к осени «СТЗ» выехала в степь.

Прошло несколько лет. Много новых ма-
шин пришло в МТС за это время, но Фе-
дор Никанорович так и не оставала своего
первенца.

Товарищи над его трактором потюхонь-
ку подшучивали:

«Да в нем же и от лобогребки части
есты. И даже от швейной машинки!»

«Вот постую у него и борозла, словно
строчка, — брал под защиту друга Семен
Корнеевич. — Смотрите, — указывал он на
глубоко поднятые пласты, — шьет, а не па-
шет!»

«Наутро, после собрания, на котором все
же общим силами уговорили Федора по-
нейти на дизель, Каутуин шол через ма-
шинный двор.»

Вдруг возле старого «СТЗ» инженер уви-
дла Омельченко, что-то расковырявавшего
вехростому париксе, который внима-
тельно его слушал, полуоткрытые губаме
губы.

— Смотри, передаю... Собойдай ее. Ма-
шина она уместившая, с сурьезом... Вот
детали в запасе...

Федор выталкива из какого-то потайного
кармана вышитый носовой платок, разва-
дал его и, вздохнув, высунла в подстав-
ленные парничкой ладони все содержимое
узелка.

Немного позже Семен Корнеевич под-
жизнил по площади и настроенно набла-
дал за обкаткой новых машин. Он был го-
тов бежать к любой из шести, если что
случится с мотором. Но дизель не оста-
навливался. Они с разбегу проделывали
вызкое русло рывка, двигались вперед,
назад, шол по кругу.

Проеха мимо Мишка Шмаков. Он сидел
в кабине, небрежно откинувшись на спи-
дель; одна рука лежала на рычаге скоро-
стей.

А вот прошла машина Федора Никано-
ровича. Каутуин увидал, что тракторист в
сниме, с иголочки комбинезоне, а на го-
лове его красуется новая фуфайка. Но ли-
цо у Омельченко было несколько расте-
рянное, как у человека, только что пере-
селавшегося из земляники в красиво ме-
блированную комнату.

Поглядеть на дизель собралось много
народу. Два школьника, видимо, перво-
классники, вели беседовали.

— Мощно заднюю скорость дает, — сказала
один.

— Новая машина! Втулки, считай, не
подработали, зазор в подшипниках нор-
мальный... — пояснил второй, повторяя чью-
то слова.

Дед в валеках и в самодельных глазо-
вах, скаканных из красной резины, тянул
такой валед новой машине:

— Кто это дергаете?

— Яков Павлович, помощник бригади-
ра, — с готовностью ответил тракторист из
второй смены.

Настал час обеда, но никому не хоте-
лось уходить. Стеняло. Ладонями святаками
вспыгивали над Беагорской, а тракторы
все гудели и гудели на широкой площади.
Семен Корнеевич мерз ему так ни
разу и не пришлось поусетиться возле
Машины.

Есоду — в домах станичников, в комна-
тах райкома, в каждой из которых побу-
вал шумный и довольный директор МТС,
в кинотеатра, в парикмахерской, где без
очереди уезжали в кресло Мишка Шмако-
ва и модельная мастерина иракшолова
на него больше, чем нужно, оделконала и
пудры, — только и слышались теплые,
взволнованные слова:

— Дизель пришло...

Краснодарский край,
станция Беагореченская.

В № 19 «Смени» за прошлый год я прочитал статью Василия Ардаматского «Две судьбы». В ней рассказывается о том, как оборвалась дружба двух молодых рабочих, потому что один из них заикался, перестал расти. И мне вспомнились один случай, который не так давно произошел у нас на заводе.

...Валентин Морозов выключил станок, привычным движением разжал тиски и вынул только что изготовленную деталь.

Несколько секунд он подержал ее в руке, точно оценивая качество, затем положила на стол. Положил и отвернул. Он знал: не одна пара глаз в этот момент любовалась безукоризненной отделкой и четкой формой деталей, зеркально-полированной поверхностью, выходящей из-под крайки стола. И именно поэтому лицо Валентина выражало полнейшее равнодушие.

«Что ж тут особенного, detail как detail», — казалось, говорива весь его вид. — «Могут сделать и лучше. Что мне стоит?»

И в самом деле: для Морозова не составляло большого труда обработать сложнейшую деталь, точно выдержать самый строгий допуск, поразить товарищей быстротой исполнения.

— Ну и руки у тебя, прямо, надо сказать, золотые! — замечала однажды обычно скупой на похвалы мастер.

— Не руки, Владимир Степанович, а вот это. — Морозов красноречивым жестом указывал на голову. Потом, облаотившись на каретку станка, закурил и, глядя на кольца голубоватого дыма, добавлял:

— Прикажете — за троих буду работать, а тиски, как Романов, покажу, подожжешь за пояс затку!

Мастер промолчал. Романов знала в цехе все. Парень он был старательный, аккуратный, но никак не мог освоить премудрости профессии фрезеровщика. И даже до положенных норм не всегда мог дотянуться.

Шло время. Росла слава Морозова. Имя его часто мелькало на страницах печати. Его работу ставили в пример другим на общих собраниях работников. С этого бархата «Доски почета» постоянно убавлялись слетка прищуренные в лукавой умешке глаза Валентина.

Пожалуй, один только человек не разделял общего мнения. Это был Николай Рошняк — бригадир участка и лучший друг Валентина.

Он не ждал от Морозову рук, не отгораживался ушками товарища. Когда кто-нибудь при нем выражал свое восхищение мастерством Валентина, он или старался перевести разговор на другую тему, или просто молчал, мудро сдвигнув брови.

— Завидует, — как-то раз заметил смешился Морозова.

Мы сидели на обрывистом берегу реки, окаймленном густой зарослью шиповника. Настроение было чудеснейшее. По общему мнению, наша загородная прогулка удалась на славу.

Рисунок А. Николаева.

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

(ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА ЦЕХА)

Перед нами на траве были расстелены скатерть, на которую каждый из нас выложил все свои запасы.

— Друзья! — обратился к нам один из девушек. — Что, если я предложу небольшой тост за нашего знатного фрезеровщика Валентина Морозова?

Предложение встретили одобрительно. Заведены стаканы. Только Николай не тронулся с места. Он продолжал неподвижно сидеть, машинально обрывая лепестки белой ромашки.

— Коля, а ты? — спросила девушка, удивленно подняв брови.

— Мне этот тост не нравится, — резко сказал Николай.

Я заметил, как лицо Валентина залило ярким румянцем. Он опустил глаза, под кожей упруго забегали жемчужки. А Рошняк, скривив взглядом по лицу Морозова, продолжал:

— Он делает по три нормы в смену — согласен. Ставит рекорды — тоже верно. А почему его товарищи с глотком пополам ягнут план? Кто виноват?

— Надо полагать, Морозов виноват, — рассмеялся кто-то. — Это он всех тянет назад. Три норма — груз не малявский.

Не обращая внимания на смешки, Николай заговорил

слова. Его голос стал резким, на лицо упала холодная тень:

— Вы думаете, он ни в чем не виноват? Возьмите, например, Владою Романову. День и ночь гонка парней стоит у станка, а толку что? Один брак. Его и сейчас-то нет среди нас, может, потому, что парней стыдится за свою работу? Кто, кроме Морозова, должен ему помочь? А от него одно услышишь: «За пое шестерых затку!» Да и зачем он будет помогать? — глядящий, другие тоже станут хорошо работать. Лучшая слава потускнеет...

Наступило неловкое молчание. Взглянув на померкшие лица, я понял: тост девушек не удался.

Домой я возвращался вместе с Морозовым. Разрезая неподвижную гладь воды, моторная лодка быстро скользила вниз по реке. Надвигался вечер. Некоторое время на горизонте еще была видна полоска багрового заката, затем погасла и она. Над головой как-то незаметно возмалась яркая звезда. Отражения их, качались на тихих волнах, то исчезали, то появлялись вновь.

Морозов неподвижно сидел на корме. Иногда он глубоко затыкивался вперёд, ярче вспыхивая кончик папиросы, и тогда в темноте смутно проступали черты его хмурого лица. Мне казалось, что он хочет отогнать какие-то навязчивые и неприятные мысли.

Откуда-то издали доносили мотив знакомой песни:

...Мне хорошо, молодая
радница,
Сюда ходить вечернюю
порой...

— Да, печально, — замученно проворчал вдруг Валентин, глядя на берег, утомленный в синей мгле.

— Что печально? Почему?

— Нет. Я не про это. Получилось сегодня как-то нехорошо. Видишь ты, — покосившись слева, — эгоист. И кто сказал! Лучший друг, с которым столько прожито...

Валентин хотел добавить еще что-то, но раздумал и только махнул рукой. Все остальную часть пути Морозов молчал.

Вдали показались огни раскинувшегося на холмах городка. У причала, привязывая лодку, Валентин вдруг спросил:

— Как вы думаете, на самом деле Романов — безнадельный человек?

— В каком отношении?
— Как фрезеровщик...
— Кто его знает, — сказала я и неопределенно пожал плечами.

Мне как-то недосуд было заняться делами Валентина и Николая. Но со стороны я видел: дружба пошла у них вверх. Друг с другом они не разговаривали. Морозов стал серьезным и, пожалуй, даже несчастливым. Прознних его шуток не было слышно.

Однжды вечером, после смени, обходя цех, я заметил Морозова у станка Романова.

— Что это вы задержались? — поинтересовался я, подходя ближе.

— Да так... — неопределенно ответил Валентин.

Вскоре я вновь застаю их вместе. Романов кренка в тиски заготовку, а Морозов с часами в руках делада какие-то пометки на листе бумага.

Так прошло несколько минут. Вдруг Валентин поднял руку и указал на рубильник. Послышался гул мотора и приглушенный скрежет фрезы.

— В конце месяца Валентин Морозов зашел ко мне в кабинет. Он подошел к столу, держа в руке два небольших бляшка. Вид у него был чрезвычайно довольный.

— Вы видели что-либо подобное, а?

— Что? — не понял я.

— Вот, смотрите! — Морозов протянул мне бляшки. Это были рабочие карты. Одна — его, другая — Романова. На обеих значилась символа одной и той же детали, те же самые операции, только разным было время, потраченное на их изготовление: 2 часа 35 минут — у Морозова и 2 часа 46 минут — у Романова.

— Здророва, а? — сказала Валентина. Только на одиннадцатый минут дошло, чем а! Но вы знаете, это — самое лучшее мое время...

Я кивнул головой, еще не веря своим глазам, а Морозов продолжал:

— Он удивительный парень, этот Романов. Вчера посмотрел на меня, ну, точно на любимую девушку, и руку пожал...

Валентин замолчал и посмотрел рассеянным взглядом на зеленый абжур лампы.

Заводской вечер был в полном разгаре. Гремеда музыка. Кружальки в тинке вострые перед, разбросанные пострасы снегом конфетти. В один из антрактов, когда на миг стихла музыка, Николай Рошин подошел к «Доске почета», выставив списки в Чубе.

А вот сегодня, — сказал он, глядя на фотографию, — я с удовольствием бы поднял тост за лучшего фрезеровщика — Вала Морозова.

— Но ведь на фотографии Романов, а не Морозов, — заметил кто-то.

Видку, — усмехнувшись, побрала Николай. — Но Романов именно ему, Морозову, обязан этим почетным местом, да, пожалуй, и вся наша мастерская своими успехами...

Все повзрнулось к Валентину, но он молчал, сканя голову. По его лицу нельзя было понять, слышал ли он слова Николая.

— Из клуба вышла вместе. Ночь была ясная и холодная. Неподвижно, точно в глубоком сне, чернели стволы деревьев. Звонко хрустела под ногами сухой снег. Некоторое время шла молча, каждый по-своему переживая впечатления прошедшего вечера.

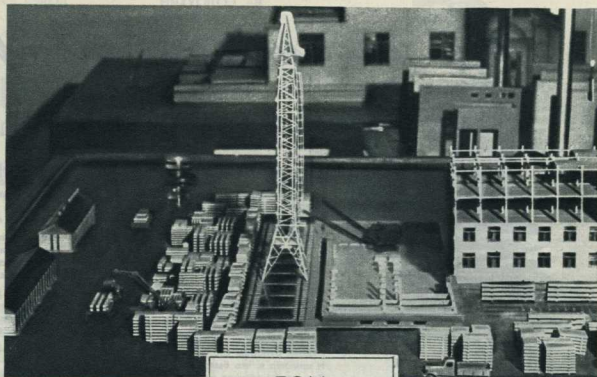
Первым нарушила молчание Родина.

— Все обижаться? — спросил она Валентина.

Тот пристально посмотрел в лицо товарища.

— По правде сказать, обижался. Да. А потом ползла и пошла. По-моему, ты поступила, как друг...

Н. МАРЧЕНКО, начальник цеха часового завода, г. Чистополя.

ДОМ ПОСТРОЕН НА ЗАВОДЕ

По большому светлову залу Всесоюзной строительной выставки медленно, от стены к стене движется большая группа энтузиастов. Это будущие строители, ученики 35-й школы ФЭИ Москвы. Они пришли сюда, чтобы познакомиться с новой строительной техникой.

Сотрудник выставки Всеволод Николаевич Константинов подводит энтузиастов к манету строительства большого семизантного дома.

— После Великой Отечественной войны, — говорит работник Всеволод Николаевич, — в наших городах, как, например, в Воронеже, но, тем не менее, жилья требуют от нас еще большого размаха строительства. Нашицы учеными в сотрудничестве с первыми рабочими и инженерами разработаны новые промышленные методы постройки зданий. Об одном из них я и хочу вам сейчас рассказать.

Сущность этого метода состоит в том, что все детали дома, начиная от фундамента и колонн каркаса и кончая крупными панелями стен и целыми лестничными маршами, изготавливаются на заводе. С завода детали дома доставляются на строительную площадку. При помощи мощных башенных кранов из этих деталей монтируют дом. Такая об-

разом, строительная площадка превращается в сборочно-монтажную. Раньше на строительной площадке главной фигурой был каменщик. На новой стройке же каменщиков уже не найдешь. Детали дома, изготовленные на заводе, собирают монтажники. На установку стенового блока зеленого ФЭИ шпунт кирпичей, монтажники тратят всего лишь 15 минут. Укладка этого количества кирпичей каменщиком занимает весь его рабочий день. Представьте себе, какая экономия времени!

— Ну, а теперь, — продолжает Всеволод Николаевич, — давайте проследим все стадии строительства дома.

Вот котлован. Он вырыт экскаватором и бульдозером. В котлован вьезает автокран, смонтированный на автомобиле «ЗИС-150». Автокран укладывает с большой точностью блоки фундамента, которые являются основой всего будущего здания.

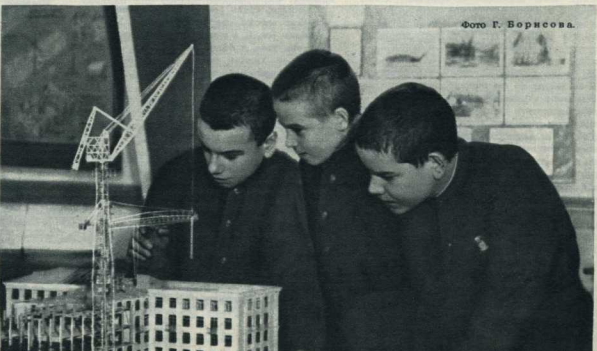
Одновременно с укладкой блоков фундамента крель стен будущего здания устанавливаются мощные башенные краны. Каждый кран производит монтаж всех элементов здания. Все кран поднимает колонны высотой в два этажа, устанавливает ее и отправляется за другой колонной. Монтажники в это время выверяют точность установки колонны. Затем кран подает балки, которые попарно соединяют колонны каркаса. Сварщик сваривает металлические части, и секция каркаса почти готова.

Но прежде чем перейти к монтажу следующей секции, снова еще укладываются крупные железобетонные плиты перекрытия, образующие с одной стороны пол, а с другой стороны потолок. Далее при помощи крана происходит монтаж стен и установка лестниц и лестничных площадок. Затем уже производится внутренняя отделка помещений. Шпалунгуются и красятся потолки, облицовываются сухая штукатурная стены, настилается паркет. Наконец, монтируются такие изготовленные на заводе элементы кровли — и дом готов.

Работа, как законченные, специалист расказ о строительстве нового дома. Каньим интересными профессиями им предстоит овладеть! Ключи замечательной техники они будут осваивать!

Л. ХВОЛОВСКИЙ

Фото Г. Борисова.

Из албанской тетради

Друзья

Вдоль берегов Болгарии прошли мы...
Я все стоял на палубе, тогда
Плыла, плыла и проплывала мимо
Ее холмов прибрежная гряда.
Волнистая — помыше и понижке,
Красивая — не надо ей прижрас.
Еще чуть-чуть... дома, людей уныю,
Еще чуть-чуть... И не заветел глаз.
Гряда холмов тумлилась, синела.
Какие там, за миею, города!
Какие там селения за миею,
Которых я не видел никогда!
Так вот они, невиданные страны...
Но там живут, и это знаю я,
Мои друзья Георгий и Липяна,
Митко и Блага — верные друзья.
Да что друзья! Мне так отрадно верить,
Что я чужим совсем бы не был тут:
В любовь селе, когда б сойди на берег,
И хлеб, и соль, и братом изосут...
Корабль идет, и сердце заболело,
И чабик так приклямы надо мной,
Что будто не болгарские пределы,
А Родина осталась за кормой.
Вдоль берегов Болгарии прошлись мы,
Я все стоял на палубе, пока
Тумлились, уже не различимы,
Быть может, берег, может, облака...

Босфор

Не зверю в пасть, мы шли — в Босфор.
Я не забуду до сих пор,
Как море становилось уже,
Как берега все туже,
Сжимали горлышко воды.
Старинных крепостей следы
Виднелись всюду по горам.
За каждым новым поворотом
На нас смотрели жерла дотов,
Смотрели прямо в груди нам.
Здесь ясно виднись, как вперед
Цивилизация идет.
Вот дот.
...Насколько он скромней
Старинных пышных крепостей!
В проливе дремлющем тонул
С холмов сбегаящий Стамбул.
Озарены закатным светом,
Пронзали небо минареты,
И тонким серпиком луна
Плыла над ними, чуть видна.

Знает. Казалось, город спит.
На толстой шпоровой цепи,
Снежка качаясь на волне,
Корабль маячил в стороне.
На черном желтым (можно ль ярче!)
Я прочитал название: «Яличи».
И я подумал:
Да, Хикмет,
В Стамбуле парохода нет,
Чтоб мая гордое твоё
Горело на его бортах.
На солю вымытых бортах
И на спасательных кругах.

Вечерних красных облянов
Наслись расстрелянные грены.
Под ними лодки рыбаков
Скочили вдоль всего пролива.
Ладном рупором сложил
И крикнул я, что было сил,
Так, чтобы слышала весь Босфор,
До самых отдаленных гор.

— Эй, рыбаки! — я крикнул им. —
Вам шлет поклон ваш брат Назым!
И вот смотрю: рыбак, другой
Приветно машут мне рукой,
Урадкой машут мне они...
Нет, будут дот!
Добрава границ железную плотину,
Стыки его в Стамбуле прозвонят.
Смотрите, сзади (как бы фон картин):
Дымят заводы, фабрики дымят!
Уходим мы, и, в справедливость вера,
Теперь хочу я более всего,
Чтоб он, Хикмет, ступил на этот берег
И чтоб цветами встретили его!

Праздник света

Вблизи албано-греческой границы
Деревя есть одна, зовут ее Верники.
В горах пасется скот, в полях растет
пшеница,
Струится из камней и вниз течет родник...
Шумит-ипит Верник с утра и до захода:
Веселый праздник там сегодня у крестьян.
Смешалось все вокруг: девичьи хорыводы,
И песни старые, и песни партизан,
И краски платья всех, и матери героя
Навеки траурный, навеки строгий вид...
Гармонки на лад идут, танцоры замело роют,
Детишки бегают... Шумит Верники, шумит.
Смысл праздника и прост и каждому
известен:
Сегодня новый свет наполнил каждый дом.
И мы в ладном бьем и радуемся вместе
Вон с тем крестьянином и с этим мальшом.
Албанский офицер мне дал бинокль

тяжелый,
Глазами показав на самый верх холма:
— Там Греция.
— Да где!
Поблизкая со школы.
Как сказала светлая, о Греция сама!..
Сначала, взяв бинокль, не видел ничего там,
Но чибатура вдруг пришла, расплычатость сменил,
И амбразура каменного дота
Почти в упор взглянула на меня.
Там пальцем шевельнул — и праздник
вздрал нарушит,
На площадь! Радости воркуется смерть и боль!
И день и ночь под черным взглядом пушек
Легко аж строить, песни петь легко!

Бинокль я опустил, а праздник так же весел:
Поет албанский туземный народ,
Поет народ, и звучит эти песни
Бетонным ухом слышит вражьи дот.
Когда же ночь тепло укрыла хаты
И в окнах ярче вспыхнули огни,
Наверно, их увидели солдаты,
И, может, что-то поплыли они.
Нет, этот дот деревни не разрушит,
И незачем ее переносить.
Огни горят — они сильнее пушек,
Ни никому уже не погасить!

Рисунок А. Паукова.

КАРЬЕРА ПЕТРА КРУПЧАНОВА

Рисунки В. Резанова.

Петра Крупчанова на факультете знали все — от студентов до преподавателей всех возрастов и ученых степеней. Знали как отличника учебы, именного стипендиата и, главное, как горячего общественника, влюбленного в комсомольскую работу. Эта работа была его радостью, его призванием, была его воздухом, без которого нельзя жить.

Петр Крупчанов вот он шагает узким факультетским коридором и энергично жестикулирует, втолковывает что-то девушке-агитатору; вот, примостившись на подоконник, разъясняет он с раскрытым блокнотом в руке какое-то мероприятие студентам; вот он, наконец, на трибуне. Задвигая румянец, держит речь перед притихшим комсомольским собранием... И за каким бы из этих занятий вы ни застали его, вглядитесь внимательно, и вы непременно подумаете: да общественная работа для этого человека — не груз, не «нагрузка» даже, а крылья к полету!

После первого своего экзамена, когда студенты еще робко осматривались в новой для них обстановке, Петр стоял уже с блокнотом в руке перед профессором и с выражением глубокой озабоченности за судьбу однокурсников говорил:

— Мне хотелось бы, как комсоргу, знать ваше впечатление, товарищ профессор, об ответах студентов группы...

На втором курсе Петр Крупчанов — уже зам факультетского комсомольского бюро, на третьем — секретарь, на четвертом его выдвинули в вузовский комитет комсомола, а через два года, будучи уже аспирантом, Петр Крупчанов руководил всей комсомольской жизнью вуза. Затем он перешел на другой факультет и, кажется, был даже избран членом райкома комсомола.

В свете учебы! будней мы как-то перестали следить за его дальнейшей судьбой и в течение четырех — пяти лет не имели о нем почти никаких сведений.

И вот он снова появился на нашем вузовском горизонте!

Я увидел его перед началом профессиональной конференции среди делегатов в просторном мраморном зале с колоннами. Рядом с этими торжественными и, пожалуй, величественными колоннами Петр Крупчанов показался мне более уместным, чем кто-либо из нас. Высокий, стройный, в отменной светской тройке, он нес на своем открытом лице печать маститости. В нем не было и следа от той суетливости студенческих лет, простоты и нерасчетливости в движениях, которые делали его доступным всем и каждому. Но и в сегодняшней выверенной и значительной походке, во всем облике Петра угадыва-

лись прежняя ничуть не угасшая энергия и жажда деятельности. Может быть, мне показалось, но когда я издал перехватил его взгляд, то усмиваю в нем пробиравшийся сквозь маститость знакомый трепет комсомольского сердца. И мне радостно было заметить это в Крупчанове сейчас, после нескольких, видимо, высоко подвизавших его лет. И когда взгляд Петра ускользнул от меня, я еще долго следил, как среди толпившихся делегатов то там, то здесь вспыхивала чуть притененный огонек крупчановского взгляда. О, этот рубиновый огонек из-под светлосерого жмута! Он и сейчас, когда пишу эти строки, теплится и гаснет и снова вспыхивает в моей памяти, как живой...

* * *

На второй день работы конференции, после перемены, в течение которого совещались руководители делегаций, был оглашен список кандидатов в члены нового состава профкома. И в этом списке снова прозвучала знакомая для многих из нас кандидатура Петра Крупчанова.

— Какие будут мнения? — обратился председательствующий к делегатам, когда очередь дошла до Петра. И так как за несколько лет состав профсоюзной организации сильно обновился, что естественно для всякого вуза, то мнение было единодушным: послушать биографию.

Петр крупным шагом прошел к сцене, поднялся по деревянным ступеням и привычно встал за трибуной. Нет, он не ризовался, не позировал, но и не заискивал, как в давние годы, румянцем. По-деловому, с достоинством перечислил он главные факты своей биографии и спокоебно, с тем же достоинством ждал вопросов. Его биография была чиста, как стеклошко, и ни у кого не вызывала никаких сомнений.

— Вопросы нет? — повторил председатель. Уже повернувшись уже уходил Крупчанов. Но в это время из глубины зала кто-то спросил Петра о его диссертации. Не то чтобы этот вопрос смутил Крупчанова, а так, будто нарушил в нем на секунду какую-то внутреннюю гармонию. Петр опустил на мгновение голову и, когда поднял ее вновь, лицо, обращенное к огромному залу, было таким же открытым и неуязвимым, как всегда.

— Диссертация, — сказал он, — пока не написана в силу большой занятости моей

на общественной работе. Но в ближайшее время я закончу ее и представлю к защите.

Петр посмотрел в президиум, как бы говоря этим, что вопрос исчерпан. Тогда с передних рядов поднялся сухошавая рука известного профессора Н., затем встал и сам профессор.

— Прежде всего, — наклонился он в сторону председателя, — у меня вопрос на каком основании присутствует здесь товарищ Крупчанов? Ведь мы, если я не ошибаюсь, единогласно заблаговременно его у себя на кафедре. — Профессор выслушала ответ, кинула в знак удовлетворенности и, повернувшись к залу, продолжала: — Товарищ Крупчанов здесь по гостевому билету. Что ж, это не возбраняется. Но я все же, товарищи, предлагаю кандидатуру нашего уважаемого гостя снять, вывести из списков для дальнейшего голосования. Надо же дать человеку возможность выполнять, наконец, свой прямой долг. За семь лет пребывания в аспирантуре он перенял два факультета и три кафедры, трижды менял тему, выбирал полечье, но так и не написал диссертацию и вряд ли ее напишет. Я прошу товарищ делегатов подойти к этому со всей серьезностью...

Профессор сердито опустил на место. Петру Крупчанову давно уже надо было бы сойти с трибуны, но он то ли решил здесь же, не прыгая, принять все позор, обрушившийся на него так неожиданно, то ли был так ошеломлен, что не мог сдвинуться с места. Зал, словно от внезапного порыва ветра, заволовалось, загудела неободрительно, тревожно. Лицо у Петра поминутно менялось, и было заметно, как он старался поджать в себе растерянность, овладеть собой. Старался и не мог. Глаза его не отрывались от края трибуны, словно им жутко было взглянуть в бездонную глубину зала...

И когда наконец Крупчанов стал сходиться со сцены, шаг его показавшись мне неверным, без упругости, а взгляд — растертым и потугшим. Только поспрежнему рубиновый огонек из-под жмута све-

тился ненужным сейчас предательским светом.

Впервые за много лет я видел, как сотни головоунытых рук поднимаются против кандидатуры, когда-то считавшейся для нас почти обязательной на всех выборах собрания. Петр Круглянов был выведен из списка для тайного голосования подавляющим большинством.

Поздно, в двенадцатом часу ночи, мы возвращались домой. Падал снег. Из беслой мглы мятко проступали здания улиц в желтоватых пятнах огней. Спешить не хотелось в эту тихую пору снегопада.

— Нет, — сказала один из моих товарищей, — все же в Петром поступили хорошо, несправедливо.

Разговор о Круглянове возник сам собой, потому что все мы думали сейчас о нем. Большинство из нас были сверстниками Петра, многие — его одноклассниками и товарищами. Но эти одноклассники и товарищи молчали, давно уже записали диссертации, выступили в свет свои первые научные труды. И в чем-то сегодняшний Петр Круглянов показав нам всем пройденным этапом, нашим вчерашним днем.

— Мы просто не заметили, — отвечал второй, — что Петр превратился в профессионального болтуна. Это хорошо помню на конференции.

— Будет тебе, «в болтуна», — возразил первый. — Петр — хороший, честный парень, талантливый организатор, любит это дело и относится к нему с душой. Завалить бы тебя такой работой, и ты до сих пор бы ходил в аспирантах.

— Пусть и работа монотонная — не согласна второй, — но ведь ты тоже пять лет был бесемным секретарем, а диссертация защити во-время... А Иван, а Жена

Ушля, а Володя — разве они меньше были заняты общественной работой? Игучетнет. Но ведь все они оправдали аспирантур и кое-что уже сделали для науки. Нет, дело тут в другом. Общественная работа, если на нее правильно смотреть, не только не мешает, а, наоборот, помогает и студенту и ученому. Во-первых, ты всегда на виду у коллектива, а это к чему-нибудь обязывает. Всякому общественнику какой-нибудь приходится относиться к себе строже, больше работать, — это закон. Во-вторых, он не знает, как полагает расти, причем всесторонне — и политически, и как организатору, и просто как человеку — общественная работа, тем более ответственная, выборная... Нет, товарищи, с Петром поступили сегодня очень справедливо. И об этом вы сами можете увидеть, что действительно хороший и честный парень... Хотите, я расскажу вам биографию Круглянова?... Се смеются, вы ведь, по сути дела, мало что знаете о нем...

И он действительно рассказала нам биографию, в которой факты были те же или почти те же, что мы знали и сами, и что мы слышали сегодня от самого Круглянова. И все же биография получалась другая, новая, над которой никто из нас раньше не задумывался. А задумывался было бы — и не только нам, но и всем комсомольцам, всей организации, которой руководила когда-то Петр Круглянов.

В самом деле, из года в год хваля и похваля общественный энтузиаст Круглянов-студента, продвигая его все выше и выше по общественной лестнице, мы как-то не заметили, не уловили момента, когда у нашего энтузиаста стало складываться нездоровое отношение к общественной работе. Комсорг класса в средней школе, затем комсорг группы, член бюро, секретарь бюро, член комитета, секретарь комитета в вузе! На каком-то из этих ответственных постов Петром овладел, быть может, сначала подсознательное чувство собственного превосходства перед коллективом. Затем это чувство окрепло, стало осознанным, стало определять все поведение Круглянова. Он привык считать себя выше коллектива, чувствовал себя над коллективом. У него появилась особая страсть возлагать на него, что можно возлагать. Он присутствовал на групповых комсомольских собраниях и считал своим долгом руководить этими собраниями; создавались какие-либо комиссии — и он охотно становился во главе этих комиссий; организовывался вечер встречи с каким-либо известным исследователем — Петр возлагал этот вечер и от лица студентов тепло благодарная личным рукопожатием известного писателя; отправлялся, наконец, студенческая делегация в какой-либо город — Петр возлагал эту делегацию... Петр Круглянов отвечал за все и вся. Но так как все и вся было не под силу одному человеку, то во всяком деле он стал понимать свое место. Просто ничего лично не делая, быть во главе! Зато всякие отношения с высшими инстанциями Петр брал на себя. Он тайно

любовался собой в разговорах с представителями высших инстанций и был здесь особенно деловит, серьезен, рассудителен.

Пораженный страшной быстрой карьерой, Петр Круглянов незаметно для себя терял вкус к учебе, тем более, что сила инерции и общественное положение удерживали его от явных срывов. В первый раз явился неподготовленным на экзамене. Петр испытал угрызение совести, даже расстроился... Но экзаменатор, знавший Круглянова как отличника и комсомольского вожака, отнесся к нему с неожиданной мягкостью.

— Я все понимаю, — сказал он, — при вашей занятости это может случиться. Но я надеюсь, что вы наверстаете упущенное.

Позже Петр широко и уже без угрызения совести стал пользоваться подобной снисходительностью преподавателей. И все же однажды Круглянову «закатили тройку». Это случилось все мы хорошо помним. Вместо того, чтобы поднять тревогу, комсомольское бюро всем составом упростило экзаменатора исправить оценку; неудобно же Круглянову иметь «троечку».

Наиболее способные товарищи Петра серьезно готовили себя к научной деятельности, не спали ночей, углубляли свои знания. Петр Круглянов вошел в аспирантуру хозинном, «руководителем», легко, без тревог и усилий, хотя данные к усидчивой, исследовательской работе утратил уже давно. И вот наконец на пути стала первая серьезная преграда — диссертация. Ее нельзя было организовать, ее нужно было писать самому, собственной рукой. И она не была написана не только в три года, но и в течение еще пяти семи лет! Государство затратило около 30 тысяч рублей только на стипендию Круглянова-аспиранта. Круглянов же не смог ответить на эту заботу государства ничем. Больше того, он завышал ставку, в котором отказал другому, более полезному в научном отношении человеку.

Вот какой стороной обернулась чистая, как стекло, биография Петра Круглянова!

Размышляя над этим, мы с запоздалой ясностью увидели, что бластательный полет, который совершил наш товарищ у нас на глазах, был полетом инверсии, и мы сами были виноваты в этом.

Открытие, которое мы сделали в ту памятную зимнюю ночь, было грустным и неутешительным. Но когда, независимо от нас, на следующий день это открытие было сделано еще одним человеком, оно как бы перестало быть только грустным, оно стало вдруг обнадеживающим, потому что этим другим «еще одним» человеком был сам Петр Круглянов.

Как это произошло?

После выборов профкома и делегатов на районную конференцию, перед концом заседания, в общем потоке справок и объяснений, которые давались отдельными делегатами, было прочитано письмо Круглянова. В этот воскресный день Петр не присутствовал на конференции, но по его письму мы поняли, чем был для него прошедшая ночь.

«Всем своим сердцем я принял урок, который получила от конференции. На всю жизнь благодарен я делегатам и в первую очередь профессору Н., за этот жестокий, но спасительный для меня урок».

Так заканчивалось письмо, в котором Петр рассказывала о тяжелом состоянии души, письме, в котором все делегаты увидели надежду на выздоровление этого человека.

М. СЕМЕНОВА,
народная артистка РСФСР,
лауреат Сталинской премии

ИСКУССТВО МОЛОДОСТИ

В прошлом сезоне на сцене Большого театра в балете «Лебединое озеро» ведущую партию Одетты-Одиллии впервые исполнила Римма Карельская. Молодая танцовщица, трепещущая от волнения, радостная и счастливая, танцевала одну из самых трудных балетных партий...

Но сейчас мне хочется рассказать не об этом дебюте, а о той кропотливой и тяжелой работе, которую проделала Римма Карельская, прежде чем выступить в ответственной партии лебедя.

После окончания хореографического училища Римма была принята в труппу Большого театра. Она попала в класс усовершенствования артисток балета. Своей гибкостью, пластичностью, мягким жестом, хорошим прыжком Карельская сразу обратила на себя внимание. Но при всех pozorительных качествах у молодой балерины не было устойчивости, четких линий, гармонии танца. Обладая хорошими данными, Римма не освоила еще основ классического танца.

Начались дни упорной работы. Надо было добиться, чтобы тело танцовщицы стало предельно выразительным, позы — скульптурно законченными, движения — мг-

ними и красивыми, при полной их координации. Постепенно Римма овладела элементами отечественной классической балетной школы, которая синкрала нешуточно балету асимметрию славу.

И вот первое самостоятельное выступление. Творческое волнение молодой артистки вызвало симпатии зрителей. На дого дебютантки выпал заслуженный успех.

Сейчас Римма Карельская готовит партию Раймонды в одноименном балете Глазунова. Так же, как и в «Лебедином озере», здесь нельзя допустить никаких упрощений и облегчений танцевальной партии.

Теперь, когда Карельская уже овладела основами классического танца, работа движется быстрее, молодая танцовщица решает все более сложные творческие задачи.

Римме Карельской надо еще, конечно, очень много трудиться. Ведь с первой балерины предъявляются высокие требования. А время не терпит! Балет — искусство молодости. И поэтому надо приложить максимум труда и энергии, чтобы в короткий срок овладеть вершинами балетного и артистического мастерства.

Фото Я. Халипа.

Е. ЛЕВИНСОН,

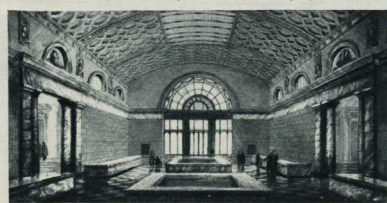
член-корреспондент
Академии архитектуры СССР,
лауреат Сталинской премии

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Около трех лет прошло с того дня, когда экзаменационная комиссия обсуждала дипломный проект Олега Гольцинина, выпускника Института скульптуры, живописи и архитектуры при Академии художеств СССР. Дипломный проект молодого архитектора — зимний стадион на территории парка Победы в Ленинграде — решал одну из важных задач спортивного строительства в крупных городах страны.

Стадион по проекту Гольцинина представлял собой красивое здание овальной формы. Он имел футбольное поле, беговые дорожки, несколько спортивных площадок. Создавая удобные трибуны, комфортабельные раздевалки, сложный комплекс входов и выходов, автор проекта заботился о том, чтобы и спортсмены и зрители чувствовали себя хорошо.

Дипломный проект Гольцинина получил высокую оценку. Кажется, все это было совсем недавно. И вот перед нами пер-

Эскизный проект колхозного рынка в Ждановском районе Ленинграда.

вое крупное творение молодого архитектора — большой крытый колхозный рынок в Ждановском районе Ленинграда. Проектировал его Гольцин совместно с архитектором Л. Хидекелем.

Я видел здание рынка еще на бумаге. Прежде всего меня привлекли размеры сооружения. На территории бывшего Дерябинского рынка, где ютились маленькие деревянные ларьки и прилавки, должно было вырасти большое трехъярусное здание объемом в 30 тысяч кубических метров, с четырьмя магазинами, рестораном, гостиницей, хозяйственным двором, складами и

другими подсобными помещениями. В проекте все предусмотрено для удобства покупателей и продавцов. Здесь мраморные стены, прилавки, гладкий мраморный пол. Подбор цвета в каждом зале радует глаз.

Мясной павильон, например, отделан серым мрамором овощной зал — красным; молочный отдел встретит посетителей снежной белизной.

Перекрытия больших помещений осуществлены при помощи железобетонных кассонированных плит, образующих монолитный свод. Длинная ферма-фонарь венчает здание и является источником дневного и электрического света.

Недавно я побывал на строительстве нового рынка. Работы подходят к концу, скоро рынок вступит в эксплуатацию.

Сейчас Гольцин занят проектированием жилого дома на Сталинградском проспекте. Он один из соавторов проекта нового здания Ленинградского театра юного зрителя.

Каждый архитектор вправе гордиться красивым, удобным зданием, созданным по его проекту. И каждый учитель вправе гордиться своим учеником, когда видит плоды его самостоятельного творческого труда.

М. АЛЕКСАНДРОВИЧ,
заслуженный артист РСФСР,
лауреат Сталинской премии

ПОЕТ АРТУР АЙДИНЯН

В прошлом году на аршах в различных городах страны стало появляться имя Артура Айдиняна. В его репертуаре значились творческие классические эри и романсы, испанские и неаполитанские народные песни.

Мне довелось побывать на концертах молодого певца. О его исполнении у меня сложилось вполне определенное мнение, которое я уже высказывал Артуру Айдиняну лично, а теперь высказываю еще раз, ибо мне далеко не безразлична судьба этого артиста.

Артур Айдинян — безусловно, одаренный человек. У него хороший, приятный тембра, голос, сильный вокальный темперамент. Он прирожденный певец. Изливая душу в звуки, в песню — потребность его души. Но голос Айдиняна — это алмаз, шифровка которого не закончена. Он еще не полностью очищен от посторонних вкраплений, уменьшающих его блеск и красоту. Ему нужно еще много работать.

Детство Артура Айдиняна было бурным. Родился он в Греции, в Салониках, в семье плотника. Очень рано обнаружилось его музыкальные способности. Первые знакомые советы отдал мальчику в консерваторию. Но об этом нечего было думать. Родители с трудом наскребли денег для занятий у частного учителя, которые спустя несколько лет тоже пришлось оставить: началась война, Греция была оккупирована гитлеровцами.

Артур принял активное участие в народной борьбе против фашистских захватчиков. Юноша

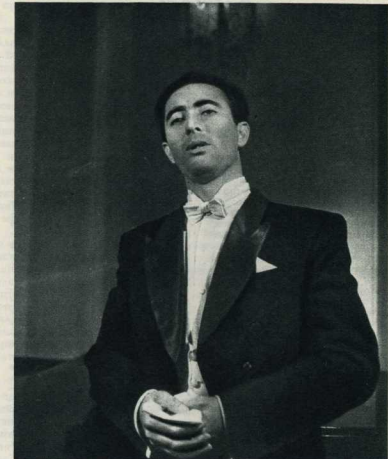
вступил в антифашистскую молодежную организацию. Вместе с товарищами он распространял листовки, рассказывал по ночам сцены из боевых действий на советско-германском фронте. Умение петь пригодилось Артуру и в это время. Отправляясь на операцию, он всегда брал с собой гитару. Песня служила неплохой маскировкой.

Однажды группа Артура была задержана. Гестаповцы тщательно обыскали ребят: выворачивали подкладку пиджаков, заглядывая в ботинки; они забыли осмотреть лишь гитару, а именно там и находились листовки. Через некоторое время гитаровцы все же посадили Артура в тюрьму, скватясь его при облове. Там его так зверски избили, что он начал слепнуть. После нескольких месяцев заключения коншшу выпустили, но зрение его продолжало ухудшаться. Освобождение он встретил слепым.

В 1947 году семья Айдинянов вместе с тысячами армянскими репатриантов получила возможность вернуться на родину, в Советскую Армению. Советские врачи — академик Билялов и профессор Мелик-Мусаян — вернули Артуру зрение.

Нанеңец-то Артур Айдинян получив возможность по-настоящему заняться музыкой, певцом.

Молодой певец попутно в музыкальное училище. Учиться ему было очень тяжело: зрение еще не окрепло. Весь коллектив — педагоги и учащиеся — помогал ему. Порой Артур разучивал мелодию со слуха. Это отнимало вдвое — втрое больше времени,

но упорство, стремление стать певцом победило: он закончил училище.

И вот Артур Айдинян на концертной сцене. Его встречают аплодисментами. Молодого певца охотно принимают Тбилиси, Тифлис, Ялта, Одесса и другие города; ему сопутствует успех. Недавно ему присвоено звание заслуженного артиста Армянской ССР.

Артур Айдинян уже теперь является хорошим камерным певцом, легко, как с баском поет

неаполитанские и испанские песни. Однако с классическим репертуаром у Айдиняна дело обстоит не столь хорошо. Для исполнения классики необходимо более глубоко познать все секреты вокальной и музыкальной науки.

Мне хочется верить, что Артур Айдинян не испугается трудностей, а сделает все, чтобы отшлифовать свое дарование и стать прекрасным оперным и концертным певцом. Для этого у него есть все возможности.

Подсказано жизнью

На картине — группа юношей и девушек. Они только что сошли с парохода на глупый берег большой реки. Рюкзак еще не сброшен на землю. И вот стихийно возникает митинг. Кто-то забрался на прибрежный камень и, расставя руки врозь, бросает пламенные прерывные слова.

«Митинг строителей города юности» — так называется эта картина. Написал ее художник из Комсомольска-на-Амуре Георгий Цивилев.

Полотно посвящено событию, которое произошло двадцать с лишним лет назад. Но художнику не понадобилось долго рыться в архивах, изучать документы, разыскивать фотографии, собирать воспоминания очевидцев. Он сам был участником этого митинга первых строителей Комсомольска.

К тому времени восемнадцатилетний Георгий Цивилев обещал уже поступить. Он был сыном старого строителя, который работал на многих стройках. Когда в газетах появились сообщения о закладке нового города в приамурской тайге, семья Цивилевых поехала на Дальний Восток.

Георгий оказался на новом пароходе, вышедшем из Хабаровска с комсомольцами-строителями на борту. Пароход назывался

«Колумба», и его пассажиры в самом деле чувствовали себя первооткрывателями нового зелья. Комсомольцев не смущало то, что пароход был старый, колесный, с неуклюжей, нещадно дымящей трубой.

Через несколько дней «Колумба», пыля и покрываясь, пристал к берегу. Был митинг, были крики «ура». И сразу после митинга тут же, на берегу, за какие-нибудь полчаса вырос палаточный городок. Селились по принципу землячества и вымешивали на палатках таблички: «Москва», «Ленинград», «Одесса», «Краснодар», «Иркутск», «Архангельск». Был тут и «Рыбиск», где стал жить Георгий Цивилев и его землячки. Забежим вперед и скажем, что пятиэтажный дом со всеми удобствами, в котором живет сейчас в Комсомольске Георгий Александрович Цивилев, стоит примерно в двухстах шагах от того места, где была разбита палатка с табличкой «Рыбиск».

Георгий стал бригадиром слесарей-монтажников. Дела слесарям хватало, и их бригадир, спавший в сутки не больше четырех часов, забыл даже, что держал когда-

то в руке кисть. Его бригада смонтировала движок, который зажег первые электрические лампочки Комсомольска, потом собрал насос, подавший воду на строящуюся плотицу.

Решения комсомольцам выпустить и первую стенную газету. Оформил ее Георгий Цивилев. Газета пользовалась успехом. А вскоре камешки Гумюнок поставил рекорд на кладке жилого дома, и постройкой поставил вывесить на видном месте его портрет. Цивилев нарисовал знатного камешника.

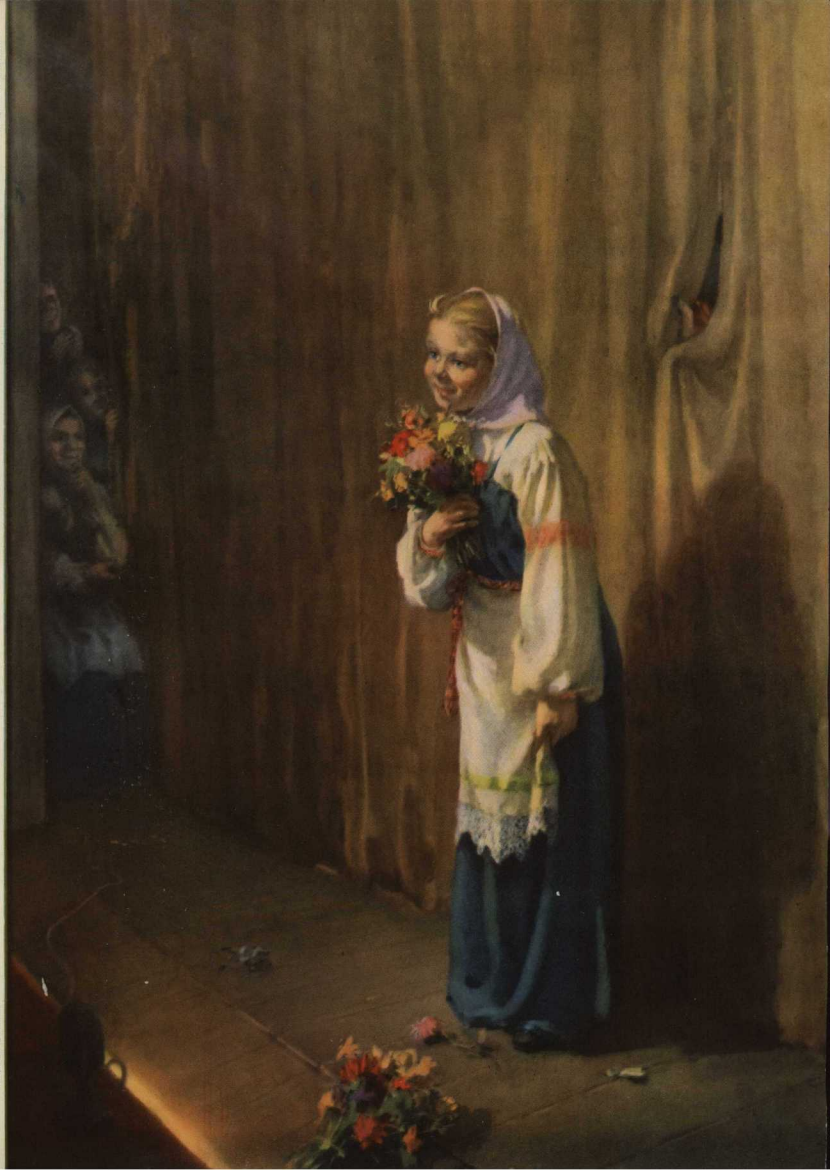
Вскоре рядом с портретом Гумюнка появились изображения отличившихся бетонщиков, монтажников, кровельщиков. В короткий срок Цивилев создал целую галерею портретов лучших людей строителя.

Так в Комсомольске-на-Амуре появился первый художник. В годы войны Цивилев руководил бригадой художников, рисовавших плакаты ТАСС. Цивилев рисовал стены и потолка Дворца культуры, построенного в Комсомольске-на-Амуре, а для краеведческого музея в Хабаровске создал серию рисунков, явившихся как бы художественной летописью Комсомольска.

А. СТАРКОВ, Б. МИХАЙЛОВ

П. ОБОЗНИ
Выставка произведений
художников РСФСР.

«Первый успех».

Зимой в горах

Сколько есть чудесных мест в нашей стране для любителей горнолыжного спорта! На Кавказе, на Урале, в предгорьях Тянь-Шаня, в горах Закарпатья, в далеком Заполярье сотни юношей и девушек совершенствуют свое спортивное мастерство. Для этого им созданы все необходимые условия. К их услугам хорошо обо-

рудованные горнолыжные базы. Их обучают опытные тренеры, известные мастера горнолыжного спорта.

Высоко в горах Главного Кавказского хребта расположены альпинистские лагеря ряда спортивных обществ страны. Отсюда были совершены первые восхождения на Эльбрус, Казбек и дру-

гие вершины, а также лыжные походы через труднопроходимые перевалы. Здесь обычно проводятся соревнования по слалому и скоростному спуску, требующие от спортсмена исключительной физической выносливости и совершенной техники.

Современный слалом проводится на хорошо укатанной трассе

длиной в 600—700 метров. Спортсмен должен преодолеть целую серию фигур, составленных из 40—60 ворот (ворота — два флага, поставленные друг от друга на расстоянии двух с половиной — трех метров). Но еще сложнее такой интересный вид горнолыжного спорта, как слалом-гигант. Длина трассы тут уже достигает 1800—2000 метров, и лыжник мчится с еще большей скоростью.

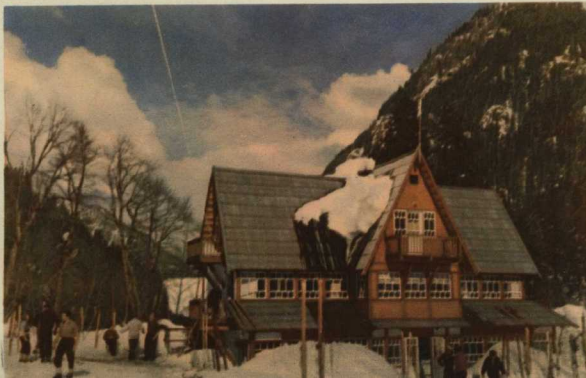
Однако одним из наиболее захватывающих видов горнолыжного соревнования является скоростной спуск. На трехкилометровой трассе лыжник развивает громадную скорость, превышающую на отдельных участках 100 километров в час.

Как хорошо мчаться вниз, вздымая на поворотах вихри искрящейся снежной пыли, и закончив плавной дугой спуск, окинуть взглядом пролетенный тобой длинный извилистый след!

Но покинем сверхающие на крутых поворотах, расцвеченные флагами спортивные трассы и направим свой путь по ущелью — все выше и выше — к виднеющейся вдали седловине перевала.

Чего только не испытаешь, каких причудливых красок не увидишь в горах зимой! В погожий, ясный день на высоте 2000 метров над уровнем моря воздух на редкость чист и прозрачен. Здесь царит такая напряженная тишина, что даже слышно слабое журчание реки, кое-где пробиваю-

У подножия величественных гор Западного Кавказа, на Домбайской долине, раскинулся знаменитый альпинистский лагерь добровольного спортивного общества «Буревестник». Отсюда уходит лыжня по красивейшим ущельям района.

щейся сквозь хлестотрозирующую снегу.

...Вдруг потемнело небо, подул ветер, и в воздухе закружились брызги хлестотрозирующей бури в горах. Но опытным лыжникам она не страшна. Как ловко орудуя лопатами спортсмены! Проходит немного времени, и вот уже вырыта снежная пещера—надежное укрытие от любой непогоды. Вот уложен последний снежный ком, закрывающий вход, и не стало слышно волы выкрики. Теперь можно раздеться и под ровное гудение походного при-

слаждением, какое испытываешь, спускаясь с крутых и опасных склонов! Вот где требуются выдержка и самообладание!

После небольшого отдыха опять с неизменной быстротой спускаешься со склона, лавируя среди трещин на леднике или между заснеженными скалами. Приятно сознавать, что за тобой неотступно следуют твои друзья—надежная опора в трудную минуту—и что ты не один в этом безбрежном снежном просторе, где облака плывут так низко, что чуть ли не задевают

Четырехногая участница похода Зен с удивлением смотрит сквозь дымчатые очки на окружающий ее горный ландшафт...

муса вести беседу о былых походах или мечтать о не изведанных еще тропах.

Вперед много дней пути, впереди немало трудных переходов, но что может сравниться с радостью взятия вершины или с на-

тебя. Чувство товарищества, сплоченности, дружбы придает силы, делает радость победы над стихией еще более полной.

Ю. ГУБАНОВ,
мастер спорта СССР.

Отдых в снежной пещере. Слева направо: старший техник сваян Ковстантин Сивов, студент Юрий Куплянов и техник-радист Давид Клышко.

Подъем к скингам Малого Домбоа.

Хорошо отдохнуть после лыжной прогулки! На снимке (слева направо): телеграфистка Алла Белоусова, Галина Соловьева и заведующий производственным обучением молодежи тисографы издательства «Молодая гвардия» заслуженный мастер спорта СССР Николай Михайлович Губанов со своей внучкой Мариной.

«К сыну за помощью» (фрагмент).

А. Вурак

Среди многочисленных произведений выставки особенно хочется отметить картину А. Бурака.

Хорошо обставленная комната. У стола, сгорбко опустив плечи, поклона на колени иструженные руки, сидит седая женщина. Мать пришла просить у родного сына помощи! Нелегко ей было переступить порог этого дома, но еще горше убедиться в том, что ее сын оказался глухим, бессарадным человеком. Нет, ее здесь не издали. Отвернувшись, комативно рассматривает себя в зеркале невестка, делая вид, что все происходящее ее не касается. Молчит и сын, поставленный в затруднительное положение. Однако не раскаяние обурекает его; он просто не знает, как выкрутиться, как уйти от ответа.

Художник смело затронул серьезный вопрос. Картина, несомненно, сыграет большую

воспитательную роль. Некоторые, как в зеркале, увидят в ней себя и, пожалуй, обоим много задумаются.

М. БЕЛОНОГОВА, домохозяйка.

Искреннее спасибо художнику А. Бураку. «К сыну за помощью» — инваля, до боли трогательная картина...

Не могу не сказать о том большом впечатлении, которое произвела на меня картина «К сыну за помощью». Побольше бы писали картин на подобные темы. Мне кажется, они очень полезны.

Инженер-механик КАСИМОВСКИЙ.

На выставке наиболее острой по сюжету является картина «К сыну за помощью». Она принадлежит к тем произведениям, которые не оставляют равнодушным советского человека.

Студент II курса Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Картина А. Бурака глубоко волнует каждого, кто по-настоящему любит людей. Запоминается забывавший сын, не помогающий своей матери. Этот черствый и бездушный эгоист вызывает отвращение.

И. ГИРКУМОВ

(Из книги отзывов выставки произведений художников РСФСР 1954 года.)

Февральский день

Рассказ

От самой Лавры шли пешком.

Февраль разукрасил инеем и дерельем, и рамы окон, и чугунные ограды. Кристаллики инеюров искрились на солнце синевато-холодными огоньками.

— Устаи, мама?

Кристаллики зашуршали в бровях и ресницах веселой краснойщечной девушки. Пыточек старухи весь расшит снежным узором. Морщинистое лицо тоже раздумалось на бодрящем морозце и поэтому кажется помолодевшим.

— Э, что там! Разве это далеко?

— Да и не близко.

— Оно и верно, ноги побаливают. Потому что с горы да на гору.

— Так сядем в троллейбус?

— Качает на нем... Неприлична я.

— Тогда возьмем такси.

— Сколько тут дороги! Не велика барыня, дойду.

Девушка замялась. Красной vareжкой смахнула снежинки с бровей и с улыбкой, в которой были и гордость и любовь, взглянула на старуху.

Сразу можно было заметить, что пожилая женщина не горожанка. Лет ей, пожалуй, под шестьдесят. Из-под большого темного платка выглядывает красненький бородок косички. Она одета в просторное пальто старого покроя, обута в серые валенки, обшитые желтой кожей. Слегка уставшее глаза с доброжелательным вниманием смотрит вокруг и как бы говорит: «Живите себе, добрые люди, на «здоровычко». А по одежде девушки трудно было сказать, кто она. Так одеваются и работница, и зеньевая, и студентка.

— Что-нибудь вспомнила, мама? Так оно и было?

— Да где там! Перезабываю... Разве город тогда таким был? А я еще и боюсь всего. Можно сказать, взрослой уже была, а боюсь...

— Пятнадцать лет — разве это взрослая? И как это вас бабуся звала? Ведь триста километров пешком...

— На версты мы тогда считали, — улынулась женщина. — Не знала тогда километров...

— Так это выходит еще больше?

— На богомолье в Лавру и за пятьсот, а может, и за тысячу верст ходили. Тогда так водилось, ленив.

Девушка нахмурилась. Лицо ее выразило глубокое удивление; она хотела и не могла осмыслить, это ленивое, таящее, непонятное, что вставало за словами матери. А старухе вдруг вспомнилась за далью лет едкая палка просокаво, испотнанных босими ногами. И вот здесь, на скалах киевских гор, сулящие фигуры монахов и черниц, изможденные лица богомольцев, дозорцалям, дрожащими пальцами и ставших их из гривных узелков платки и гривенники — на свечки, на крестик, на святую икону. И сколько горя вокруг,

слезного, многоголосого человеческого горя!

— Пролетели годы. Сорок... Нет, пожалуй, больше? — спросила сама у себя женщина. — И не сосчитать...

Да и было ли все это? Кажется, что лишь в слякочном, душном сне ей привиделись черные монахи, черные пещеры, и немолчаливый грезив над головой, и пыльные дороги.

Они прошли через сад, где в задумчивости стоил бронзовый поэт, и остановились перед большим светлым зданием.

— Вот здесь, мама, мой факультет, — сказала девушка.

Сказала, как о чем-то обычном. Но, может быть, то, что она сразу умогла, слово у нее переувлажнено дыханием, придав отым словам такую силу, что старая женщина, пораженная, подняла голову. И стояла вот так, с просветленным лицом. И молчала.

Потом девушка шевелилась, взглянула на часы.

— Сколько времени? — как бы пробуждаясь, спросила старуха.

— Скоро четыре.

— Ну, так иди, дочка. И мне пора...

— Я вас провожу. Тут два шага.

— Нет, нет, — покачала головой женщина. — Ступай на здоровье. А утречком приходи в гостиницу.

Девушка исчезла в дверях высокого здания.

Задумчивая и строгая, мать пересекла бульвар Тараса Шевченко и подошла к театру. Против входа стояла высокая заснеженная балка и таядела на шумную улицу, широким руслом катившуся винузу к Крешатику.

Кто-то окликнул женщину, она обернулась, увидела знакомых и вместе с ними вошла в театр.

Февраль по-украински называют «лятий». Но в Киеве он совсем не лятий. Он боится вихри ветров и больше всего озабочен тем, чтобы украсить все вокруг причудливыми узорами инеев. В эту пору ежедневно в Киев со всех концов Украины съезжаются на широкие собрания лучшие люди колошного сева.

Женщина сидела на севе в первом ряду, чему-то улыбалась и больше о прошлом уже не вспоминала...

Перевел с украинского

А. ОСТРОВСКИЙ.

ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ МОНТЕСКЬЕ

XVIII век вошел в историю Франции как эпоха подготовки буржуазной революции, разрывающей феодальное общество.

Глашателем называемой революционной бури были просветители: философы, писатели и ученые. На протяжении многих десятилетий они веди упорную борьбу против деспотизма и угнетения, утверждая прогрессивное мировоззрение, веру в человека, в «царство разума». Просветители сделали литературу своим грозным оружием, действенным средством распространения передовых взглядов. Одним из значительней французского Просвещения был Шарль Луи Монтескье (1689—1755 гг.). Монтескье происходил из старинного дворянского рода. Двадцати семи лет он обладал уже титулом барона и получил по наследству почетную должность президента парламента (высшего судебного учреждения) города Бордо.

Монтескье был человеком пытливого ума и многосторонних интересов. Он много читал и занимался естественными науками: физикой, математикой, лингвистикой, — изучал право и историю. В 1726 году Монтескье отказывается от своей высокой должности и несколько лет путешествует по Германии, Венгрии, Италии и Швейцарии. Около двух лет он живет в Англии, изучая ее законодательство и государственное устройство. К тому времени Монтескье был уже известен за пределами Франции как автор книги «Персидские письма», вышедшей в 1721 году.

Многие персы Узбек, Рика и Реди путешествуют по Европе; Реди увлекается Венецией, Узбек и Рика привлекает Париж. В письмах они обмениваются впечатлениями, высказывают свои суждения о виденном и слышанном. В их письмах также немало писем, полученных Монтескье с родины от его многочисленных жен и внуков гарема.

Автор увлекал читателя меткостью наблюдений своих героев за жизнью Франции, яркими образами женщин — пленниц гарема. Но книга заставляла серьезно задуматься и над многими важными проблемами общественной жизни.

Появление «Персидских писем» знаменовало рождение особого жанра просветительской литературы — философско-социального романа. Монтескье, а затем и Вольтер обращались к философскому роману, чтобы в наиболее доступной и занимательной форме изложить свои философские и политические взгляды, подвергнуть суду разума феодальную действительность.

Узбек и Рика поражены всем, что они видят во Франции. Монтескье заставил своих читателей посприятельно по окружению их глазами новых людей, которые особенно остро воспринимали неразумность и несправедливость порядков феодального государства. Рика поражает раздраженные мраморы, в совершенстве усвоенное искусство говорить так, чтобы ничего не сказать, аббаты, вносящиеся на придворных балах. Он высмеивает столпов старой схоластической науки, которые не интересуют ни люди, ни живая жизнь. В одном из писем Рика рассказывает о своем знакомстве с ученым-математиком, которого волновали только цифры и геометрические линии. Когда этот ученый услышал о бедствиях, причиненных наводнением, то чрезвычайно обрадовался, так как это известие подтверждало его предположения о таянущем под слоем осадков вышло на два дюйма больше, чем в прошлом.

Наряду с осмыслением порядков и нравов старого общества Монтескье высказывает в письмах Узбека и Реди философские взгляды. Монтескье ретельно осуждает грабительские, завоевательные войны. Он заявляет, что

война допустима и оправдана только в том случае, если она ведется для защиты родины. «Существует только два вида справедливых войн: одни, которые предпринимает для того, чтобы отразить нававшего неприятеля; другие — чтобы помочь отколовшему союзнику». Пolemизировав в «Персидских письмах» с английским философом Гоббсом, заявившим, что вечно происходит «война всех против всех», Монтескье утверждает, что естественное состояние людей — это мир. С мудрой прозорливостью настаивает он на необходимости союза миролюбивых народов для защиты мира — этого высшего блага жизни.

«Мирные договоры столь важными для людей, что являются как бы священных природо-

случаев, ничем не связанных между собой событий, либо воплощение воли бога. Монтескье показывает, что величие Рима было создано благодаря безавторной храбрости его граждан, их любви к свободе и отечеству. Англомосленские же грабительские войны и разложение правящей верхушки привели к исчезновению высоких гражданских идеалов и способствовали падению некогда могущественнейшего государства. Критикуя пороки императорского Рима, Монтескье проводит параллели с абсолютистской Францией, указывая на неразумность и несправедливость ее общественного строя.

В 1748 году вышел в свет основной труд Монтескье «Дух законов», — результат многолетних раздумий философа о судьбах государств и об их общественном устройстве. Главная мысль «Духа законов» — признание закономерности исторического процесса. Хотя Монтескье и не смог определить основные, движущие силы исторического развития и слишком переоценил роль и влияние географической среды на характер развития того или иного государства, сама постановка вопроса закономерности истории была чрезвычайно прогрессивной. Основной вопрос, волновавший Монтескье, — это вопрос о том, как обеспечить человеку политическую свободу и права свободных гражданства. Политическим идеалом Монтескье была конституционная монархия, где власть короля ограничена конституцией и должно существовать разделение властей. В своей книге он идеализировал государственное устройство Англии, считая ее образцом, был осуществлен этот принцип. Монтескье не понимал, что независимость исполнительной, законодательной и судебной власти в буржуазном государстве является только камуфляжем, так как все оно выливается в руках господствующего класса. Но обоснование необходимости разделения власти в государстве было сильнейшим ударом по абсолютизму.

Большое место в «Духе законов» занимает требование веротерпимости, борьба с жестоким фанатизмом католической церкви. Несмотря на ряд ошибочных утверждений Монтескье, на компримисный характер некоторых его взглядов, «Дух законов» сыграл важную роль в революционную роль. Книга являлась программой прогрессивных изменений, в которых нуждалась феодальная Европа.

Произведение Монтескье завоевало всеобщую популярность своим горячим протестом против абсолютизма и насилия, религиозного фанатизма и суверенит, защитой прав человека и свободы. Некоторые положения «Духа законов» были использованы при составлении Декларации прав человека и гражданина, провозглашенной французской революцией в 1789 году.

За несколько десятилетий развития Просвещения многие его деятели пришли к определенным выводам, но за ним навсегда остается почетная и высокая роль значительного этого мощного прогрессивного движения XVIII века. Монтескье принадлежит слава: «He прекрсна ли цель работать для того, чтобы остаться после себя людей более счастливыми, чем были мы». Этой благородной цели Монтескье посвятил всю свою жизнь, и за это его ценят прогрессивные люди.

В 1954 году Советский Союз прислал все народы отметить в 1955 году двухсотлетие со дня смерти Монтескье — философа-просветителя, человека, провозгласившего, что первый закон природы — это мир и что все люди рождаются равными.

И. ЛУЛЕВА,
кандидат филологических наук

заявляющей свои права», — указывает философ.

Более двухсот лет тому назад Монтескье провозгласил свою веру в силу народов, которые сумеют обзавести неразумных правителей, поклевкавших использовать достижения человеческой мысли для уничтожения людей. В «Персидских письмах» он писал: «ты говоришь, что боишься, как бы не изобрел кто-нибудь, еще более жестокого, чем теперешний, способ истребления? Нет. Если бы обнаружилось такое роковое открытие, оно вскоре было бы зарезано человеческим правом, и единодушное соглашение народов похоронило бы его».

Монтескье говорит о свободе как обязательном и необходимом условии жизни человека. Эта проблема затрагивает в письмах Узбека, Монтескье утверждает за женский право на свободу выбора. Такая постановка вопроса была прогрессивной для XVIII века.

Смелая, острая сатира, глубина философской мысли, гуманизм, живость и занимательность сюжета обусловили огромный успех книги. Еще при жизни автора вышло двенадцать ее изданий. В XVIII веке «Персидские письма» перевел на русский язык известный русский поэт-сатирик А. Кантэмур.

В 1734 году Монтескье публикует свои «Расуждения о причинах величия римлян и их упадка», где он ставит задачу дать объяснение основных моментов истории Рима. В этой книге Монтескье выступает как один из основоположников французской исторической науки, опровергая распространяемые в XVIII веке взгляды, что история — это либо скопление

Ребенок ДЕЗИРЕ

Рассказ

Рисунок Г. Алмыова.

День выдался прекрасный, и госпожа Вальмонд решила проехаться в Лабри, чтобы повидаться с Дезире.

У нее на губах невольно появлялся улыбка, когда она представляла себе Дезире с маленькой в руках. Ведь, кажется, только вчера сама Дезире была еще ребенком...

Подъезжая однажды к своей усадьбе, муж госпожи Вальмонд увидел девочку, безмятежно спящую в тени под большими каменным столбом у ворот. Когда он разбудил ее, она начала плакать и звать папу. Вот все, что можно было добиться от нее. Один высказывали мнение, что малютка забрела сюда, заблудившись, другие утверждали, что девочку умышленно оставили вблизи усадьбы проезжавшие мимо в крытом фургоне переселенцы из Тексаса. Госпожа Вальмонд отбросила всякие предположения и только радовалась, что судьба послала ей, бедной женщине, эту милочную девочку.

Шли годы. Девочка превратилась в девушку с прекрасными чертами лица, со стройной фигурой и мягким, сердечным характером. И ее удивительно, что проезжавший как-то раз мимо усадьбы молодой Арманд Обинья любознательно в девушку, словившую у ворот подножье самого каменного столба, у которого ее нашли спящей восемнадцать лет назад. Удивительно, как он не влюбился в нее раньше! Видел он знал ее еще с тех пор, как отец привез его, восьмилетнего мальчика, из Парижа после смерти матери.

Господин Вальмонд, человек практичный, посоветовал Арманду хорошенько все обдумать и, между прочим, указать на неизвестное происхождение девушки. Арманд взглянул в глаза Дезире, и этого было достаточно. Какое имело значение для него ее происхождение, если он сам принадлежал к самому известному старинному роду в Луизиане?.. Он заказал Дезире приданое в Париже и терпеливо ждал, когда она прибудет. Затем они поженились.

..Госпожа Вальмонд не видела Дезире и ребенка уже целый месяц. Приехав в Лабри,

она вздрогнула, как это случалось с ней каждый раз при виде запущенной усадьбы Обинья. Грустную картину представляла усадьба, в течение многих лет не знавшая заботливого глаза хозяйки. Отец Арманда женился во Франции и там же похоронил жену; по каким-то причинам она в свое время отказалась ехать в Америку.

Черная крыша, словно колыма над очагом, низко спускалась над широкими верандами, окружающими структурный и выкрашенный в желтый цвет дом. Огромные старые дубы вплотную подходили к нему, и их густые, пышные кроны затемняли фасад словно дымовой завесой. Молодой Обинья отличался исключительной жестокостью в обращении с неграми, работавшими на его плантации. Вопросы присущей им природной жизнерадостности негры давно уже разучились смеяться и тем более петь. Они всегда ходили мрачно-мрачные, как зтог дом.

Молодая мать поправлялась медленно. Она лежала на диване в белом муслиновом платье с кружевами, вытянувшись во весь рост. Ребенок спал рядом, уткнувшись личиком в грудь матери. Желтолицая няня-мулатка сидела у открытого настенного окна и обмахивалась веером.

Госпожа Вальмонд склонилась над Дезире, обняла ее и поцеловала. Затем повернулась к ребенку.

— Да это не твой ребенок! — воскликнула она удивленно. Она сказала это по-французски, как обычно говорила у нее в доме.

— Я знала, что вы удивитесь, когда увидите, как он вырос! — рассмеялась Дезире. — Маленький молочный поросенок! Поглядыте только на его ножки, мама, на его ручки! Поглядыте только на его настоящие ногти! Садри пришлось обрезать их сегодня утром, правда, Садри? Нани величествомю кинула голову!

— Да, сударыня.

— А как он кричит! — продолжала Дезире. — Просто оглушительно! Верно Арманд услышал его голос очень давно.

Госпожа Вальмонд продолжала пристально смотреть на ребенка. Она выдала его на руки и подолжала к окну. Долго всматривалась она в личико, а затем так же пристально взглянула на Садри, и та сразу отвернулась.

— Да, мальчик вырос и... изменился, — медленно произнесла госпожа Вальмонд, кладя ребенка подле матери. — Что говорит Арманд?

Личо Дезире зарделось от счастья:

— О, Арманд — самый счастливый отец в округе! Он особенно рад, что родился сын, который будет носить его имя, хотя и уверяет меня, что не меньше был бы рад и девочке. Но он нарочно так говорит, чтобы сделать мне приятно. И знаете, мама, — зашептала она, прилекая к себе голову госпожи Вальмонд, — он еще ни одного негра не наказал с тех пор, как родился мальчик. Он даже пощадил Негрильона, который нарочно обжег себе ногу, чтобы хоть немного отлучиться от работы. Арманд только рассмеялся и сказал, что Негрильон — просто бездельник. О, мама, я так счастлива!

Это была правда. Брак, а затем рождение сына заметно смягчили грубую, жестокую натуру Арманда Обинья. Это-то и наполняло счастьем Дезире. Она любила своего мужа. Когда он хмурился, она дрожала, но любила его не меньше, а когда он улыбался, то большего счастья для нее уже не существовало. Но смуглое, красивое лицо Арманда редко искажалось гневом с того времени, как он полюбил Дезире.

..Когда ребенку исполнилось три месяца, Дезире вдруг почувствовала, что какая-то опасность нависла над домом. Вначале это было едва ощутимо, как намеки таинственные перешептывания слуг-негров, неожиданные визиты отдаленных соседей, которые не могли даже толком объяснить цель своих посещения. Но потом Дезире с ужасом стала замечать, как страшно переменялся к ней муж. О причине этого она и спрашивать не осмеливалась. Разговаривая с ней, Арманд

отводил в сторону равнодушные, холодные глаза. Он стал часто отлучаться куда-то, а бывая дома, всячески избегал ее и ребенка. Он опять начал жестоко обращаться со своими работницами — неграми... Дезире чувствовала себя настолько несчастной, что рада была бы умереть.

Однажды в жаркий полдень она сидела в своей комнате, рассеянно перебирая пальцами пряди длинных шелковистых волос, испавшихся ей на плечи. Ребенок, почти совсем голенький, лежал на ее кровати. Мальчик-мулат, тоже полуголый и босой, стоял рядом и обвевал его опахалом из павлиньих перьев. Глаза Дезире были печально устремлены на ребенка, а мысль пыталась проникнуть в ту грозную завесу, которая, казалось, замыкнула вокруг нее. Она отвела глаза от ребенка и машинально взглянула на мальчика, потом снова посмотрела на ребенка и опять окинула взглядом мальчика. На ее внезапно побледневшем лице выступили капельки пота.

Она хотела что-то сказать мальчику-мулату, но не могла произнести ни слова. С трудом ей наконец удалось выговорить его имя. Мальчик повернулся к ней, и она безмолвно ухватила его на дверь. Он оттолкнул в сторону огромное мягкое опахало и послушно вышел из комнаты.

Она долго стояла, устремив взгляд на ребенка.

Немного погодя в комнату вошел муж. Даже не взглянув на нее, он прошел к столу и начал что-то искать среди лежащих на нем бумаг.

— Арман! — обратилась она к нему, и голос ее прозвучал так, что способен был рас-

трогать даже самое черное сердце, но муж словно и не слышал. — Арман! — еще раз позвала она, затем встала и подошла к нему. — Арман! — сказала она, тяжело дыша, и схватила его за руку, — погляди на нашего ребенка! Скажи мне, что это значит?

Он холодно, но осторожно снял ее пальцы со своей руки и отвел ее руку.

— Это значит, что ребенок не белой расы, — ответил он совершенно спокойно. — И это значит, что ты не белой расы.

В то же мгновение в голове ее мелькнула тревожная мысль к какой трагедии может привести в Америке подобное утверждение! И она, чтобы спасти себя и свою любовь к мужу, горячо запротестовала:

— Не правда, Арман! Волни на мои волосы, они каштановые. И глаза у меня серые, Арман, ты сам хорошо знаешь, что они серые. И кожа моя светлая, — Дезире схватила его за руку. — Посмотри на мою руку, она белее твоей, Арман!

— Такая же белая, как у мулатки Лабланш! — грубо ответил он, повернулся и вышел.

Когда Дезире немного пришла в себя и могла держать перо в руке, она написала госпоже Вальмонд полное отчаяния письмо:

«Мама, сейчас Арман сказал мне, что я не белая. К какой бы расе я ни принадлежала, но, зная его отношение к неграм, я должна доказать ему, что я белая: я должна спасти себя и свою любовь к Арману. Дай бога, помогите мне рассеять его сомнения, скажите ему, что он не прав! Иначе я умру! Жизнь мне будет невозможна!»

Полученный ответ был краток: «Моя единственная Дезире! Возвращайся домой в Вальмонд. Вернись к своей матери, которая любит тебя. Привезай со своим мулаткой».

Дезире зашла в кабинет мужа и, положив

письмо на письменный стол перед глазами Арманда, застыла, как каменное изваяние, безмолвная, бледная.

Молча взяв он письмо, пробежал его холодным взглядом и так же молча положил на стол.

— Я должна уехать, Арман? — спросила она и замерла в мучительном ожидании.

— Да, уезжай.

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Да, хочешь, чтобы ты уехала.

Ноги словно подкосились у нее. Она повернула и медленно направилась к двери, надеясь, что сейчас он позвонит ей, не допустит, чтобы она ушла.

— Прощай, Арман! — простонала Дезире. Он не ответил. Это было для нее последним ударом.

Дезире вышла на веранду, где Садрия расхаживала с ребенком, взяла сына из рук няни, спустилась по ступенькам и стала удаляться от дома.

Октябрьский день был на исходе. На плантации негры молча собирали хлопок. Дезире шла в тонком белом платье и в комнатных туфлях. Голова ее была не покрыта, и солнечные лучи сверкали в каштановых волосах. Она свернула не на широкую дорогу, которая вела к отдавленной плантации Вальмонда, а пошла напрямик, по заброшенному полю. Стерня и кустиками кололи ей ноги, рвали тонкое платье... Вскоре она истекла среди тростников и ив, росших по берегу глубокого, заболоченного рукава реки.

Больше ее никогда не видели.

Несколько недель спустя странную картину можно было наблюдать в Лабри. Посреди гладко выметенного заднего двора пылал огромный костер. Арман Обишь сидел на широкой веранде, откуда хорошо был виден костер, и подавая слугам-неграм различные вещи, которые те бросали в огонь.

Пламя уже поглотило преступную ивовую колыбельку со всеми принадлежностями и украшениями, все детское приданое. Затем к костру стали подносить шелковые и бархатные платья, отделанные кружевами и вышивкой, шляпы и перчатки — все, что осталось от Дезире. Последним предметом, брошенным в костер, была связка писем, которые Дезире писала Арману, куда была его невестой.

В углу ящика стога, из которого он вынимал письма, оказался и клочок письма, написанного не рукой Дезире. То был обрывок письма его матери к отцу: «...Я радуюсь и благодарю providence — прочел он, — за то, что наш дорогой Арман никогда не узнает, что его любящая мать принадлежала к расе, на которую белые люди накладывают проклятие клеймо рабства».

Перевел с английского
П. ОХРИМЕНКО.

Учительница, роль которой исполняет артистка Наргис, обучает грамоте детей бедняков. Этот кадр, как и все остальные, воспроизводимые здесь, взяты из нового фильма Раджа Капура «Господин 420».

Радж КАПУР

ДУХ ПРОБУДИВШЕГОСЯ НАРОДА

Студия «Радж Капур филмс» начала свое существование незадолго до того, как Индия завоевала независимость. В свои первые же фильмы мы старались отразить дух пробудившегося народа. И, конечно, на этом пути у нас было много трудностей. Требовалось время для того, чтобы зрители, привыкшие видеть на экране в качестве положительных героев лишь богатых людей, а также искаженное изображение жизни простого человека, сознательно отнеслись к новому, прогрессивному киноискусству.

В меру наших скромных возможностей я и другие работники моей студии поставили своей целью использовать кино как мощное средство показа борьбы и побед трудящихся масс.

Первый фильм, поставленный нами, назывался «Юнона». Это была киноопека о судьбе талантливого артиста, вставшего против реакционных законов капиталистического общества.

Второй фильм — «Дождь» — был

Читатель Г. Н. Калинин из г. Сергиевского, Куйбышевской области, обратился к нам с просьбой: «Прошу редакцию «Смены», — говорится в его письме, — рассмотреть в журнале и журналы о киноискусстве Раджа Капура, о том, как создавались фильмы «Бродяга». Было бы интересно узнать, какие новые фильмы будут выпущены его студией в ближайшее время». По просьбе редакции журнала «Смена» Радж Капур прислал из Бомбея статью, отвечающую на вопрос нашего читателя.

посвящен жизни бедных труженников, живущих в горах Индии, простых и честных людей, которые в недавнем прошлом подвергались эксплуатации со стороны иностранных колонизаторов. Фильм показывал также, что беспристрастно, искренней любовью, существующая на Востоке, значительно чище и выше лицемерной любви, импортированной с Запада представителями так называемого «высшего общества».

Третьим фильмом, который, я надеюсь, многие из вас видели на фестивале индийских кинокартин, недавно прошедшем в нашей стране, был «Бродяга». Чтобы читатели «Смены» получили хотя бы некоторые представления о тех серьезных трудностях, которые приходится преодолевать работ-

никам прогрессивной индийской кинематографии, я хочу рассказать кое-что о том, как мы готовили и выпускали этот кинофильм.

Известный индийский писатель К. А. Аббас как-то прочел мне один из своих новых рассказов. Это была история юноши, обремененного капиталистическим обществом на жизнь бродяги. Любовь девушки сделала его честным человеком. Идея рассказа сводилась к тому, что главную роль в жизни человека играют не наследственность, а обстоятельства жизни, среда.

Мы приступили к поискам подходящих актеров. Роль бродяги Раджа я решил исполнить сам, а актриса Наргис, которую мы называем Риточка, была поручена роль девушки. Но самым трудным

делом было найти актера, который сыграл бы отца Раджа.

Казалось, что могло быть более естественным, чем выбрать своего собственного отца, Притвираджа, для этой роли? Он был киноактером еще тогда, когда меня не было на свете. Однако я не решился обратиться с такой просьбой к отцу, ветерану индийской кинематографии и пионеру индийского театра. Мы начали искать других исполнителей. Поиск, однако, не увенчался успехом. Тогда К. А. Аббас, а вслед за ним и все мы решили, что эту роль все-таки должен сыграть Притвирадж. Я осмелился обратиться к нему, и велика была наша радость, когда он согласился сниматься в фильме, постановщиком и режиссером которого был его сын.

Давно, когда я еще был ребенком, отец обычно брал меня с собой на прогулку. Прогуливаясь, нередко шутил, что когда-нибудь будет сниматься в постановленном мною фильме. Тогда мне

Уличная сцена.

Разговор с нищим.

трудно было представить себе, что это предсказание сбудется столь необычным образом... Конечно, в нашей совместной работе над фильмом были случаи, когда я не решился делать отцу указаний и просить его играть соответственно тому, как я понимаю образ. Но чаще он и без слов прекрасно понимал меня и тут же великолепной своей игрой претворял в жизнь мои режиссерские замыслы и идеи.

В конце концов мне удалось уговорить сниматься не только моего отца, но и деду. Однажды на репетиции дед сказал:

— Было время, когда я учил этого молодого человека ходить, а теперь он, который был еще вчера ребенком, учит меня говорить!

Это была его любимая шутка, он часто ее повторял во время съемок «Бродяги».

Вскоре мы подобрали весь актерский коллектив и приступили к съемкам фильма. В те дни нам приходилось работать в чужих студиях, поскольку своей у меня в то время еще не было. Достаточно сказать, что «Бродяге» пришлось бродить по павильонам пяти киностудий, пока ему наконец не удалось завершить свои скитания в студии «Радуга Капур» филмса.

Наша студия не получала никакой финансовой помощи от государства, а средства, которыми мы располагали, были ограниченны, и, конечно, их не хватало на постановку такого большого фильма, как «Бродяга». Поэтому актрисе Нургис и мне пришлось сниматься в фильмах других киностудий, чтобы на заработанные деньги закончить работу над своей картиной.

снимами около трех лет и потрачена на него более двух миллионов рупий. Фильм постоянно требовал большого внимания и напряженной работы. Для того чтобы создать эпизоды, сна Раджа нужно было серьезно ознакомиться с классическими танцами и музыкой. Я уже не говорю о том, какая большая задача была возложена на художника и кинооператора.

Для съемок эпизода на берегу океана понадобилось привезти в студию немалое количество грузовиков с песком, а чтобы создать иллюзию самого океана, пришлось углубить пол студии на несколько футов.

Во время съемок работа шла день и ночь, люди часто забывали о сне и пище. Я никогда не забуду самоотверженности одного кули, который с риском для жизни забрался на крышу студии с огромным осветительным прибором и, стоя в таком опасном положении, целый день держал на своих голых плечах эту невероятную тяжесть, пока мы не закончили съемку. Вы еще лучше поймете, какой огромный труд вложили в фильм работники студии, если я скажу вам, что наш монтажер Майекур, окончив монтировать последний метр пленки, упал, потеряв сознание, от полного физического истощения.

Весь коллектив студии трудился, не щадя своих сил. Мне хочется особо отметить работу нашего главного кинооператора Раджу Кармакара и композиторов Шанкара и Джалишана — авторов музыки ко всем нашим фильмам (слова к песням пишут наши лирические поэты Хасрат и Шайлендра).

Они любят друг друга...

С постановкой фильма «Бродяга» были связаны и другие трудности. Так как многие сцены мы не имели возможности снимать в натуре, то потребовалось, например, создать декорации, изображающие суд и тюрьму, трупы и роскошный дом богатого судьи, шумные улицы и тихие переулки прекрасной песчаный пляж. Работа эта была сложная и дорогостоящая, поэтому «Бродягу» мы

Следует подчеркнуть, что никто из сотрудников нашей студии не имел возможности учиться своей профессии в учебном заведении такого крупного масштаба, какое существует в вашей стране¹. Они учились на своих ошибках. Они прошли трудную школу,

¹ Раджа Капур имеет в виду Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве (прим. переводчика).

где самый мудрый и самый строгий учитель — это жизнь. Каждая новая картина была для них экзаменом, а миллионы зрителей — их экзаминаторами. Я с радостью могу сказать, что они прекрасно выдержали все испытания и каждым новым фильмом доказывали, что отсутствие специального образования компенсируется их упорным трудом и горячим желанием повзрослеть свои знания.

В моей студии самое почетное место занимают писатели. Мне посчастливилось установить тесный контакт с целой группой прогрессивных литераторов. Среди них — Индер Радж Ананд, Рамананд Загар, К. Ахмад Аббас, Балу Пратан, Арджуни Дев Рашик и Раджиндер Сингх Бедж. Я должен признаться, что мы не живем мирно. У нас возникают горячие, жестокие споры, настоящие словесные битвы, прежде чем писатель-сценарист и я приходим к общему согласию в отношении какого-либо эпизода. Мы нередко по двадцать раз переделываем сценарий и по нескольким месяцам обсуждаем его, прежде чем начать делать фильм.

Эти деньги, которые ей предлагают, добыты нечестным путем...

Объяснение под дождем...

...ей не нужно такое богатство. Она чувствует себя осиротевшей.

После «Бродяжки» наша студия выпустила еще два, более современных фильма: «Вадоз» (на языке хинди, тамил и телугу) и одну несложную бытовую картину. Кроме того, мы выпустили фильм «Чистильщик сапог», рисующий жизнь детей в трущобах большого города.

Фильм, который мы ставим сейчас, называется «Господин 420». В нем показаны приключения молодого человека, попавшего в водоворот капиталистического общества, которое заставило его продать свою совесть и стать мошенником. В этом фильме серьезная мысль преподносится в легкой форме, сквозь смех в нем звучат слезы.

Мы задумали еще много фильмов, в том числе цветной исторический фильм, который будет называться «Аджанта», а также ряд

картин из жизни современной Индии.

В заключение несколько слов о том, что является самым характерным для деятельности студии «Радж Капур филмс». Мы старались в прошлом — и будем продолжать в будущем — создавать такие произведения киноискусства, которые правдиво отражают жизнь широких масс народа. Создавая сценарий, музыку, работая над ролями, мы всегда черпали вдохновение у своего народа, и, возможно, поэтому народ так горячо принимает наши фильмы. Мы хотим внести свой скромный вклад в дело построения лучшего будущего, когда человек будет жить для любви и мира и будет бороться за мир и любовь.

г. Болбей.

Перевод Л. МОРОШКИНОЙ.

НОВЫЕ КРЫЛЬЯ

(Окончание. См. «Смену» №№ 1, 2)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Молодой инженер Вершинин создаст ветродвигатель, имеющий большое преимущество перед существующими. Внедрению его изобретения препятствуют помехи со стороны одной из древних конструкторских фирм и Госплана. В Академии наук пытаются проминимизировать Серпинника. Работничего начинают наблюдать за ним, чтобы проверить успех ветродвигателя. Испытание ветроустановки Вершинина проходит успешно, их использование производительно даже в сильные ветры, чем намечалось проектом. Но противники Вершинина, подготавливая фальш, пытаются доказать, что инженер-инноватор — вредитель. «Материалы» о нем они передают следователю майору Перегудову, который вызывается Вершинина для объяснения.

Работничего и Госплана связаны со шпионом Дюбюссом Мердсом, выдающим себя за турмена Садыкова. Стараясь сфотографировать Вершинина, шайка одиозно-

менно готовится совершить крупную диверсию: обрушить в реку Е. Кошкатынских и устроить инсценировку. Вершинин объясняет Перегудову некоторые подробности и своему проекту.

Начинается зима. Девка покрывается кристальным льдом. Капитан ледохода Ермалов получает приказ вести баржу. Неожиданно вправую выходит на свободную воду. Объявляется, что рывалы благодаря зонтичному баржу, уловленным на дне реки Вершининим. На пути изобретателя возникает новое препятствие: над водой в морозную погоду подымается непроглядный туман. Размытым заложенными горами кудато Вершинина. Перегудов попадает на судно капитана Ермалова. С интересом смотрит он на таинственное приспособление, которое устанавливалось на штурвале ледохода.

Капитан Ермалов не верит, что этот прибор сможет повести судно сквозь туман.

— Нет, не видел,— признался майор.

— Сейчас посмотрите,— сказал старший монтажник.

— А это прибор для чего?

— В тумане ходить,— пояснил монтажник.— Одним словом, автоматический рулевой.

— Как же он сквозь туман глядеть будет?

— Ему глядеть нечего, товарищ инженер,— ответил монтажник.— Это свой прибор. Работает он от токов высокой частоты,— и, уже обращаясь к своему товарищу, добавил:— Погдем на нос. Я буду крепить правый контур, а ты левый.

Они поднялись с решетчатого настила рубки катушку кабеля и ушли.

Несмотря на то, что его назвали инженером, Перегудов все же вынужден был признать Ермалову, что не понимает сущности действия прибора. Тот тоже только пожимал плечами.

Монтажники вернулись минут через десять. Старший сказал Ермалову:

— Можно отключать, товарищ капитан. Держитесь поперек рейда.

Теплоход двинулся малым ходом сквозь непроглядный туман. Вел его сам Ермалов, беспечно подглядывая то на компас, показывающий курс на восток, то на таинственный прибор с откинутой сверху блестящей крышкой. Одна из матросов через равные промежутки времени давала сигнал электрическим гудком. Заставив всех вздрогнуть, прибор на рулевой колодке вступил резко шелкнул; затем раздался звук, напоминающий пение скрипки.

Монтажник деликатно отстранил капитана и, сосредоточенно хмурился, нагнув винку прибора на рукоятку электроустройства. Пение скрипки тут же оборвалось, а винка плавно и сильно двинулась влево, отклонив рукоятку штурвала.

— Лево на борт,— откликнул капитан действие прибора.— Малость крутуют руля влево.

— Трасса... — повторил капитан.— Это тебе не железная дорога. Погоди,— испуганно воскликнул он, хватаясь за рукоятку централизованного управления двигателями.— Мы же вправо покатались, сбился ваш автомат!

— Рельсы, значит, вправо заворачивают,— усмехнулся старший монтажник.— Автоматизатор от них шкуды не уйдет.

— Да что же вы, на колесах катитесь? — проворчала Ермалов.

— Колеса шквляки зят,— ответил монтажник.— И рельсов, конечно, тоже. А держит нас на курсе кабель, который путевый паролок по фарватеру проложил. Идет по этому кабелю ток высокой частоты. Его принимают два контура, что мы на носу под ключами установили. И очень просто все получается: как нос вправо начнет уходить, левый контур ближе к кабелю оказывается и действует на автомат сильнее правого. Тут, в рубке, вот эта силам винка влево идет и штурвал поворачивает. Влево нос отклонится — та же история с другой стороны происходит.

— Отключая система! — вырвалось у Перегудова.

— Вообще подлая,— согласился монтажник.

Капитан крикнул и решительно переставил рукоятки с «малога» на «средний». Перегудов, перегла- нутвшись с диспетчером, одобительно сказал:

— Правильно, Федор Егорыч! Вперед, чуть левее фарватера, раздался крик, затем несколько выстрелов. Перегудов стремительно выбежал на палубу и крикнул:

— Шлюпку! Скорее шлюпку!

Спуск шлюпки с резко заостренного теплохода занял не больше минуты. Приткнув к борту ледохода суденышка, Перегудов приказал матросам грести влево, в гущу тумана. Оттуда внезапно вынырнула большая лодка-заповозка и с треском врезалась в борт шлюпки.

— Придержаться багром! — командовал Перегудов и легко перемаянул в заповозку, где темнело несколько человеческих фигур.

Стопновение со шлюпки задержало заповозку, и ее тут же догнала другая большая лодка.

— Теперь не уйдут! — закричала с лодки.

Из заповозки в воду прыгнул человек, но его сразу же арестовали.

ко подвезти багром один из матросов и притащил к борту. Сергей Иванович увидел поспешное, с крупицами, рыжыми чертами лица.

— Милостя проси, — сказал Перегудов и, ухватив человека за шиворот, атаковал его в шлюпку. На теплоходе доставили четверых неизвестных. Их заметил у одной баржи молодой инженер, доктор облежавший каравай вместе со своим помощником и стрелком охраны порта. Незвестные прямо из шлюпки пытались сорвать создательскую ссуду на якорном канате баржи. Еше минута — и судно с грузом посылало бы на фарватер.

— Какой груз на барже? — резко спросил Перегудов, оглядывая задержанных.

— Стальные конструкции для новостроек, говорщи майор, — по-новому ответил инженер и, не удержавшись, добавил: — Угадай. Видно, хотели баржу на фарватере утопить.

— Сергей Иванович, — обратился к Перегудову Ермолан, — давай пойдом или вах?

— Придется идти обратно, к причалу, — решительно ответил майор. — Дело очень серьезное.

9. РИШНИК ТОРОПИТСЯ НА СВИДЕНИЕ

Сергей Иванович штал по кабинету, продумывая план допроса задержанных. В отношении Салдыкова-Мердера все было ясно. Наблюдение за матерым диверсантом велось давно. Перегудов получил все материалы о нем еще тогда, когда начал звучать детектив Рабинского и Гвоздакова.

Перегудов, удивляясь неугомонности инженера.

— Вершинин, полный радостного волнения, не вошел, а буквально ворвался в кабинет и долго тряс руку Перегудова.

— Садитесь на диван, неугомонный вы человек, — предложил Перегудов, улыбаясь. — Значит, успешно?

— Блестяще! Просто чудесно, Сергей Иванович! Ну и бригаду мне сосватал академик Виктор! Вот эти настоящие люди! Сегодня продавали прокладку высококачественного кабефа для извювев. И вы знаете, есть вероятность, что река не будет замерзать до самого устья. Крутоугольная навигация на такой артерии! А как работали эти ребята из лабораторий связи! Только глянешь на них — и усталость как рукой свисает.

— А они, вероятно, с этой же целью на вас поглядывали, — пошутил Перегудов. — У думал, что после такой работы выд у вас будет не очень бодрый. Да, сия ваш утверждат, что вы совсем зрелопрокладку.

— Мальчик прав, — виновато согласился Вершинин. — В зоопарк с ним все собираемся. Теперь опять вылезем пойдом!.. А скажите, Сергей Иванович, хоть вы не инженер: будет ли, по-вашему, целесообразно продолжать линию ветроустановок дальше, вверх по реке?

— Если мое высказывание представлят интерес, скажу. Я постараюсь проследовать к мнению академика Викторова, — ответил Перегудов. — Пусть злые восточные ветры работают на нас. Пусть орошают поля, смывают салянт, расплаивают на реке льды.

— Вот поговорю в я паролдство, — вставил Гвоздаков. — Нам вчера сказали, что наибольшее количество судов скопилось в порту Молодецкий. В такой обстановке каждую секунду возможны аварии.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

что пришел по срочному делу Рабинский и Гвоздаков.

— Забыли — майор убудил. — Просите дорогих гостей! — Выходя, Рабинский поздоровался похлопывая по щекам и привтаво. Гвоздаков, стараясь держаться невозмутимо, копировал, как плохой актер, жесты и выражения лица профессора.

— Мы просим приступить к делу, но долг честных людей слова привел нас к вам, — начал вступительно Рабинский. — До свиданья и на завтрашний вечер с вами мыслями. Я сообщил только один факт. Теперь же пришла пора раскрыть все до конца.

— Конечно, конечно, — поддержал Перегудов.

— Теперь, — повисил голос профессора, — я с полной уверенностью могу сказать, что вы можете сделать серьезное утверждение. Не буду говорить о том, введете ли вы в паролдство. Ведь там формальная паника! Заместитель начальника паролдства и главный диспетчер в смятении. Флот, разбросанный по участкам, отстает в тумане. Огромное количество денежных грузов застряло в пути. Если попытаться увести корабли и баржи к пристаням в тумане, возможны крупные аварии. Оставить их на реке до весны тоже невозможно: там не только грузы, но и люди, которые вынуждены будут зимовать в неадекватных условиях. Определить ветрки Вершинина — туман исчезнет, но все суда замерзнут в лед.

— Да, положение исключительно сложное, — добавил Гвоздаков. — Катастрофическое! — воскликнул Рабинский. — Я считаю, что такое вредительство — дело не одного Вершинина. Тут, бесспорно, работала целая организация.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

— И с этим согласен, — поддержал Перегудов. — Организация, очевидно, огромная и очень разветвленная. У Вершинина, конечно, одна из ведущих ролей.

стей нашей работы, — мирно было возразил Перегудов. — Неразумно даем возможность целиком разоблачению врагу тогда, когда пользоваться свободой для того, чтобы успешно раскрыть всю организацию.

— Знаете, — Рабинский доверительно повизгал голос, — вы бы, пожалуй, могли вам и в этом деле помочь. Мы избраться списки людей, вносящих позорные своим связям с Вершининым.

— Отлично! — весело сказал Перегудов. — Садитесь рядом за тот столик в углу и пишите. Бумага и чернила там пригодятся.

— Простите, — растерянно возразил профессор, — но мы вынуждены будем отложить это до вечера! У нас ровно в час дня очень серьезное совещание. А опаздывать на совещание нельзя.

— Да вы не опоздаете! — перебил Сергей Иванович. — Присаживайтесь и пишите поскорее. Долго ли записать фамилии!

— Я все же пропую. — Уже без пяти минут двенадцать, а нам...

— Нет, — возразил Перегудов. — Пишите, пишите, пишите! Это очень ценный и срочный материал. А на совещание... Довольно гарантию, что вы не опоздаете ни на минуту. Я лично обещаю доставку.

Рабинский соорудился при одной мысли, что следовательно органы государственности доставят его на совещание с Мердером.

— Нет, боюсь, мне придется остаться, — пробормотал он, опускаясь на стул за маленьким столиком в углу кабинета. — Вы очень любезны, благодарю вас.

— Да, мне что будет совсем нетрудно! Мы распорядимся всеми видами транспорта.

Рабинский, собравшись с мыслями, начал писать столбик фамилий.

«Викторов Алексей Алексеевич, академик.

Фадеев Николай Иванович, доктор технических наук.

Чернов Михаил Петрович, парторг строительства.

Головкин Татьяна, бригадир монтажников...»

Больше им одна фамилия не приходила в голову. Откинувшись на спинку стула, Рабинский с досадой посмотрел на стальные часы, которые показывали уже пятнадцать минут первого. Перехватив его взгляд, Перегудов испорточно подкасал и диван.

— Пропшу извинить. Вам действительно придется поторопиться, чтобы не опоздать на совещание. Вы говорите, что оно назначено на час дня?

— Да, на час дня, ровно.

— Ну, тогда вы не опоздаете, у вас еще много времени в запасе. Я задержу вас еще не больше чем на минуту: хочу познакомиться с вами лично. Полковник сядет.

Перегудов ввел гостей в большую кабинет, где находилось все дело человека. У массивного стола стоял полковник, а за краешком дивана, исполняя роль нашедших, сидел Глеба Мердер. Рабинский остановился посреди кабинета, в ошеломении глядя на Мердера. Гвоздаков, своим телом, замел у двери. Перегудов все тем же приветливым тоном сказал Рабинскому:

— Как видите, вы не опоздали. Советую немедленно ознакомиться с тем. А список членов организации вы, надеюсь, составите завтра...

СЛОВА И ЧУВСТВА

В сборнике Н. Перелаво «Всплеск» (Новосибирское книжное издательство, 1954) одно из стихотворений рассказывает о колхозном паренке, будущем поэте.

От слободокivolной стеногафии
портрета будет — дабы сроед
Но сейчас не думает про это
над страницей чистой паренек,
Нет, не слымы —

Строну ладные, строну гадобот
об всем, чему ты сердце радо,
сердце, с живыми бьются в лад.

А пока пусть рифмы невдажны,
жизнь даго, товарищ, паренка,
что не было вторым в ней
невозможно.

Много чувств — найдутся и слова.

Видимо, строки эти можно отнести и к самому автору. Николай Перелаво в прошлом — сельский учитель, потом — фронтовик. Тяжелое ранение. Демобилизация. Слова работа в школе. Затем в журнале «Сибирские огни» появляется его поэма, немного позже — первая книга стихов. Теперь — учеба в Литературном институте СССР имени А. М. Горького.

У молодого поэта рифмы действительно иногда «выпадежны» (сочинял — залез, «как раз он — красная»). Но зато есть «сердце, с жизнью бьются в лад». Есть чувства, есть и слова. Впрочем, когда слов слишком много, они скорее мешают, чем помогают выразить чувство.

В стихотворении «Ветка» рассказывается простая и трогательная история о том, как молодой отец нянчит свою дочь. Хороший отец у ребенка! Пусть неуклюжий, даже неумный, ни забойливый, ни душевный. С каким таким крепнет чувство проницательности, надежности простого человеческого счастья, заключенного в понятия «семья», «дочка», «сын». Если удавиться, становится ясно, что стихотворение это об оптимистических результатах борьбы за мир. И хорошо, что автор не потропился, не забегая вперед, оставая читателям возможность самим формулировать вывод.

Но переуврачьева страну, оказывается, что похвалы наши преждевременны. Совершенно законное стихотворение γίνεται калыме. Автор неизвестно за кого «краснеться»:

Недаром качать свою дочку
мне ладно,
недаром еи весно пою:
— Смыслен ли ты или плачешь
нашишу,
малышка, скажу тебе я:
«Расть, и шуми,
и таньки, и коммунизму,
зеленая ветка моя!»

Возможна ли публицистическая, философская концовка в лирическом стихотворении? Разумеется, возможна, если в концовке этой есть подлинный пафос, глубина мысли, большое общественное содержание. Но, прочитав стихи, с огорчением замечаешь, что «обобщительные» выводы, которые выносятся только после установившегося

чувство душевного единства читателям.

Точно таким же образом исполнено и стихотворение «Начало». Малышку отец впервые разрешает выйти вожжи в свои руки. Уходит вверх дорога, высок тяжелый воз, не так свершишь немного — сорвешься под откос. И сердце бьется часто — задача нелегка. — Но радом, радом, к счастью, отпавшая рука». Далее рассказывается о взрослом пути авиашени «малышка», о том, что ему отеч-народ не даст свернуть с дороги и орбеть не даст. Казалось бы, стихотворение закончено. Но снова провозглашается социальное и неуловимое «споворот», начинающийся все тем же прелестным восклицанием «Начало».

Удивительная черновость — спутник многих стихотворений Н. Перелаво. Главные недостатки: вымученные, образные, рожденные сильным душевным порывом, чередуются с «оборемными», надуманными рассуждениями, неудачными поисками «общешейли». Лишь несколько стихов привнесло еще один. В стихотворении «Прошлые» герой растаетея с «любимой» речью Илья.

Поэт нарисовал образ женщины — живущую трудовой, бездумной, минимальной жизнью, женщины внешне красивой и внутренне холодной. И, как это бывает в жизни, герой жалует эту женщину, хотя и знает, что не в состоянии. Но, вероятно, он любит ее и растаетея с нею нелегко, с печалью. Но поэтическая прелесть этих строк, за которыми угадывается душевная ах автора, неслыханная в красоту людей, в неслезную, благодарную силу любви, в романтичность жизни, явную ничто глупости нескронным продолжением:

А мне от мечты, замигающей
навздо, и мало дорой одной — в вранях
их сотни проити бы, и трудных и
вранях, стремидущиха вверх по прямой...

Приходится думать, что автор, явно тяготея к романтичности, даже к мелодраме, стыдится своего душевного склада, боится, как бы не вылезли, не выскочили вкрадливо, и потому спешит замазывать под бездумного бойрика. А чего злеть стыдиться? Не беда, что у слова «сентиментальность» в среде литературных критиков плохая репутация. «Чувствительных», трогательных, душевных стихов куда драгоценнее, нужнее стихов бесчувственных, пустозвонных. Тариха Пушкина, Лермонтова, Ежова, Маяковского служат новым и новым поколениям учебным чувств.

Хорошие стихи непременно воспитывают, обогащают, усваивают привычку каждому молодому советскому человеку чувство любви

к Родине, к ребенку, к матери, к девушке. К числу таких лучших в сборнике можно отнести стихотворения «Родина», «Мать-природа», «Зерно», «Вануша машина» и другие.

В стихотворениях Н. Перелаво еще много промахов. Иногда ему изменяет вкус: иногда говор слишком искусственный, надуманный. О недостатках высокой поэтической техники говорит, например, такая выделенная как бы из мелкого штебя строка:

«Чтоб изымал бы подогреть
... как раз свид».

Впрочем, когда человек способен сам увидеть свои слабости, можно надеяться, что он их преодолеет. Есть в книжке шутливое

«ПЕРВОЕ ПИСЬМО»

Сборник рассказов Николая Дементьева «Первое письмо», по существу, является первым письмом автора к своим читателям. Эта небольшая книжка отмечена искренностью в выражении чувств, неслучайно неудачными, а местами и срымами мольбой возлюбленного голоса, — словом, всем, чем сопровождается между первое объяснение между молодыми людьми. Сверстанным, добрым по жизни и труду поведением, большинство рассказов Николая Дементьева, многие молодые читатели из страничек этой книги встретят с очень знакомыми и близкими им товарищами, а некоторые, быть может, узнают самих себя.

Николай Дементьев рассказывает нам о том, что его возлюбит, что им пережито, переуврачьева, — о вступлении на большой жизненный путь молодого инженера, только что окончившего институт, о трудовом воспитании и духовном росте молодых рабочих в дружной производственной коллективе, о мечтах, неснятых и опрочеченных порывах юности, о дружбе и первой любви.

Большинство рассказов написано на материале из жизни молодых механизаторов речного флота, с которыми по своей работе был связан до последнего времени сам автор — молодой инженер-механик. Отсюда хорошее знание той обстановки, в которой живут и действуют герои, умелое и точное описание их труда.

Вот совсем еще юная выпускница колхоза — новоспеченный инженер-механик Тина рассказывает о том, как она вышла свое место в новом для нее портовом рабочем коллективе («Первое письмо»). Окушение полноты и радости жизни, большой дружбы с окружающими ее людьми девушка обретает в момент первого и светлого испытания («Первое письмо»). Окушение полноты и радости жизни, большой дружбы с окружающими ее людьми девушка обретает в момент первого и светлого испытания («Первое письмо»). Окушение полноты и радости жизни, большой дружбы с окружающими ее людьми девушка обретает в момент первого и светлого испытания («Первое письмо»).

стихотворение «Прозрение». Речь идет о молодом поэте, начавшем большую поэму. Но герои его поэмы один за другим ушли на учебу. «Поставил точку наш поэт на сто седьмой странице и за героизм вослед сам попустил учиться». Как мы уже знаем, попустил учиться и Н. Перелаво.

В стихах Перелаво есть биение живого чувства. «Много чувств» — найдутся и слова. Эта строка звучит как обещание. Но, чтобы оно было выполнено, надо слова вложить в форму, чтобы они «найдутся» далеко не всегда. Тому пример — многие промахи и неурядицы в этой, безусловно, примечательной книжке.

Александр ЛАЦИС

шла к ней, как посетителю все вокруг, когда было найдено верное, хотя и очень трудное решение.

Следует отметить рассказ «Катя» — о скромной и рабочей красавице. Придумав несложное, но основательное приращение, Катя опережает в соревновании товарищей. В трудную минуту она приходит на выручку подруге-красавице, помогает ей испытывать радость приращение, ее усердием совершенствованию. Девушка любит Павла — машиниста соседнего крана, — но по застенчивости не может открыться неодолимому парню. Рассказывая с Катей, мы твердо верим, что ее большое, светлое чувство найдет взаимность, хотя автор с хорошим тактом ничего не говорит об отношениях между молодыми людьми.

Читая эти рассказы, можно было бы увернуться Николаю Дементьеву в некоторую идеализацию своих героев. Но, знакомясь с другими рассказами — «Нина Любовь», «Начало» — увидишь, что автор не склонен обходить и теньные стороны жизни, те противоречия, трудности, с какими сталкиваются его герои.

Читая эти рассказы, можно было бы увернуться Николаю Дементьеву в некоторую идеализацию своих героев. Но, знакомясь с другими рассказами — «Нина Любовь», «Начало» — увидишь, что автор не склонен обходить и теньные стороны жизни, те противоречия, трудности, с какими сталкиваются его герои.

В сборнике весьма много замечательных, склепических образов. Особенно этот упор — отсылается к образам мастеров, руководителей производства. Порой автор излишне увлекается записыванием эффектов, но случайных деталей (рассказ «Дождик»).

Тем не менее от книги Николая Дементьева есть подлинная молодость в свежести, начинающего писателя к читателям принадлежит и радует живую живольность авторской интонации, правды изображением душевного мира молодого советского человека.

Александр СМЕРДОВ

Кинорежиссер Александр Ренюв часто звонит по телефону: «Саша, сможешь подвезти горды?» или: «Как устроить корабль?» Это не праздные вопросы. Ренюв действительно подвозит горды, топит корабли, промарширует сто человек в тысячу, строит сказочные дворцы. Но, разумеется, в жизни он может совершить чудеса не больше, чем любой из нас. Он творит чудеса на экране.

Для фильма «Борис Годунов», над которым А. Ренюв работает сейчас, трудно было снять режиссеру города Кромы. В студии выстроили мачет, обилие его гордых и подруги. Самая крупная постройка мачеты — собор — не превышала двух метров, а в этот же кино должны были действовать люди — бойком, помидкалово горды. Тогда обратились к методу континентского сочинения. Он заключается в том, что объекты съемки располагаются на различных дистанциях от аппарата. Благодаря этому на экране изменяется масштабные соотношения предметов. В «Борисе Годунове» кино снималось на значительно большем расстоянии, чем горды мачет. Подобные оптические «обманки» широко применяются в кинопроизводстве.

Вспомните фильм «Бесселье звезды». Комбинированные съемки здесь, проводил В. Горбачев и А. Ренюв. Для Александра это была первая самостоятельная работа. Семидесятилетний режиссер, когда он на студию уводит увлеченной профессии кинорежиссера южно-русских съемок, режиссеры Ренюв были сначала старший брат, Николай, а затем — В. Горбачев. Работа над фильмом «Бесселье звезды» явилась подвиготворным сотрудничеством учителя с учеником.

В этом фильме был использован метод «убеждающей мачеты». Он разработан и впервые применен в советском кинематографе В. Горбачевым. Кстати, в зарубежном кинематографе этот метод не освоили и поныне.

Но куда действия кинокартины артисты Мирова и Новицкая совершают полет на аппарате «Маска-Рина Зеленова». Этот полет снимался в павильоне. Самолетик с актерами подвешен к тросам громадных черных экранов. Актеров обдувал «ветродуй», кабины раскрасились, сошлись, полное впечатление полета. После этого необходимо было коснуться фюз. Но если попытаться снять на одну пленку, то первое изображение засветится. Тут-то на помощь приходит «мачета». Она одновременно снимается на спиральной пленке и представляет собой непрозрачные силуэты, повторяющие, словно тени, все движения актеров.

«Маску» вальсировали на ступенях пленки, и ее тени повторяли изображение Мирова и Новицкой. Пленка снова зарядили в аппарат. Примерили его к самолетику оттяжкована, и аппарат заснял фюз. Этот же методик снимали эпизод с крупной ролью Новиков исполнила Рина Зеленова.

Фюз при подробных съемках может быть любым. Для фильма «Алишери Усманов», например, выстроили в павильоне галубую корабль, отсняли на ней игровые сцены, а фюз «дорисовали» много позже, на Черном море.

Ни один современный кинофильм не обходится без комбинированных съемок, и чем меньше мачеты для глаза зрителя эти «дворцы», тем выше считается их качество.

Недавно поставили перед Ренювым задачу: снять сцену, в которой актер стоит на крыше сарая, куда падает забрызганный грязью тигр. Проще всего загрузить актера решетки. Но решетка «затупит» сцену. Ренюв предложил поставить решетки на крышу сарая: на ней будет сидеть не актер, а декорационщик, который держит тигра. Но все это оператору пришлось перед объективом аппарата мальчишам веревками, в котором должна отрываться крыша другого

Ю. Тимошенко и Е. Березин.

Ю. Тимошенко, Е. Березин и Рина Зеленова.

Вещи, представленные здесь, не превышают обычного размера...

...только кубик несколько увеличат. Он снимался вместе с Риней Зеленой и помог ей прочнее «схватиться» с фюзом.

сарая, выстроенного в безопасном отдалении. На этой крыше будет находиться актер. На плане нео прилагательный у стены тигр и воздушное отвлечение экранов с актером соединятся в один кадр.

За последние время А. Ренюв разработал немало новых кинотрюков. На экране — стадо разбегавшихся зубров, преследующих мальчика, охваченный корабль, потру-жонкины в воду... Все это снималось чрезвычайно просто. Свето-непрозрачной заслонкой прикрывали левую часть кадра и снимали бегущего мальчика, ведя на нем аппарат. Потом заслонку переносили на правую часть кадра, и на мерзотную пленку снимались зубры: «Топил корабль», Ренюв выкрывал его перед аппаратом до ватерлинии и медленно, толчками, поднимал объектив кверху, а затем на низком, невоспетую часть пленки он снял непрозрачную мачет с альпийцами людьми.

Л. ЧЕРЕНЦОВ

«Маска» Рина Зеленой и кубика.

Вот он, этот собор, высотой... в полтора метра

Разве можно поверить, что этот громадный собор не что иное, как уменьшенной фанерной являет, оптически совмещенной с нижней частью декорации, выстроенной в натуре

АХМАННЯЯ ОЛИМПИАДА

«СМЕНУ»

(Продолжение. Начало см. «Смену» № 1)

II. РЕШЕНИЕ ШАХМАТНЫХ ЭТЮДОВ

Шахматный этюд так же как и шахматная задача, является искусством создания позиции, в которой одна из сторон (обычно белые) добивается цели, определенной в условии. Решение этюда достигается единственным путем при любой, даже самой изобретательной, встречной игре противника (черных). Именно этот путь, ставши, как правило, с глубоким замыслом, неожиданным маневром или красивой комбинацией. Тот этюд интересен, где черные пытаются активно противостоять выполнению плана белых.

Но если условным заданием является достижение мата в строго определенное количество ходов, то чтобы решить этюд, нужно добиться или выигрыша, или ничьей, либо положения в неограниченном числе ходов. Решать этюды относительно трудно, нежели задачи, так как этюды являются более глубоким проявлением шахматного искусства.

Решение и разбор этюдов, во многом напоминающих правдивую шахматную, чрезвычайно развивают как художественный вкус, так и аналитические способности любителей шахмат.

К решению этюда следует

подойти так же, как и в (аналогично положению какой-либо шахматной партии: прежде чем выметать план действий, путь к достижению цели, нужно, как говорят, «вдуматься в позицию», то есть оценить материальное и позиционное соотношение сил и хроническую важность все лшнее и скрытые возможности обеих сторон.

Попробуем вместе разобрать два этюда, совершенно различных по своему характеру, автором которых является выдающийся советский шахматист-композитор Л. И. Куоьев (1891—1942 гг.).

В первом этюде фигуры расположены так:

Белые — Кр6г, п1, а5, б2; черные — Крс4, п1, б5, б6, а4. Условие: белые начинают и выигрывают.

На первый взгляд положение на доске кажется невыгодным, так как после извлечения ходов а4, а3, б2, б7, е2, б8, е1ф1 получается абсолютно равная позиция.

Идея решения состоит, оказывается, в том, чтобы после 1. а5—а6! е4—е3 2. а6—а7! е3—е2 3. а7—а8! е2—е1ф4 4. ф4б—д5! Крс4—б4 изымшим «тысячелетним» 5. ф4б—д3 неслышадно оставить черных в безвыходное положение. Дей-

ствительно, чтобы не получить мата на полях а5 или с3, черные должны занять слона ферома поля а1 или с1. В первом случае — после 6. ф4б—с3+ Крб4—а4 7. б2—б3+!, во втором случае — 6. ф4б—а3+! Крб4—с4 7. б2—б3+!, в обоих вариантах белые выигрывают ферома.

Во втором этюде (белые — Кр6г, Кб1, п1; черные — Крс4, Сб5, п1, е4, е5; белые начинают и делают ничью) позиция выглядит безнадёжной для белых, так как после неизбежного потерн пешки б2 белые не могут остановить проклятую пешку противника.

№ 1

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

ЭТЮДЫ

№ 2

Белые — Крс2, Ф7, Сe1 (3).

Черные — Кр4, Ф48, п1, Сб, д5, е6 (5).

Белые начинают и выигрывают (3 балла).

№ 3

Белые — Кр2, Л1, Кe5, пb2 (4).

Черные — Кр3, Л17, п1, а4, с7, а5, е4, б4 (7).

Белые начинают и делают ничью (2 балла).

№ 4

Белые начинают и выигрывают (4 балла).

№ 5

Белые — Крс3, Лe1, Кe2, п1, д2, ф3 (5).

Черные — Крe6, Лeб, Сg8, п1, с7, е6, е4, б6 (7).

Белые начинают и выигрывают (4 балла).

№ 6

Белые — Кр3, С18, Кa7, пb6 (4).

Черные — Кр18, Л18, Сb2, Кd4 (4).

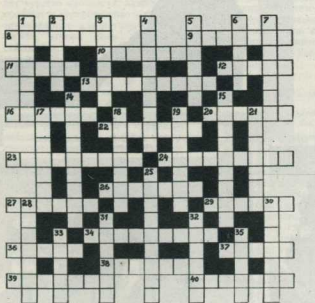
Белые начинают и делают ничью (4 балла).

Продолжение олимпиады будет начато в № 3 журнала.

Мастер В. ЛЮБИНСКИЙ

КРОССВОРД

Составил К. Масловников (г. Мытищи)

По горизонтали:

8. Опера П. И. Чайковского по Р. Поэма Гомера. 10. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Чайка». 11. Персонаж в романе А. С. Пушкина «Разгром». 12. Опера Р. Леонардо. 13. Киние для чиповых ристков. 16. Современный турецкий поэт. 20. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 22. Великий русский артист 23. Вымышленный знаменитый писатель. 24. Художник, разработавший животных 25. Итальянский композитор. 27. Проведение А. С. Пушкина. 29. Автор «Военных поедов 14—19». 34. Советский композитор. 36. Опера А. Рубинштейна. 37. Убедительный поэт и мыслитель. 38. Выдающийся советский артист 39. Автор комической оперы «История провансальца». 40. Персонаж романа И. С. Тургенева.

По вертикали:

1. Музыкальный инструмент. 2. Музыкальный инструмент. 3. Матросский танец. 4. Армянская советская потесня. 5. Одна из ор-

- ганизаторов партизанского движения на Уралеве. 6. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 7. Член полка молодого гвардии, ставшая разведчица в романе А. С. Пушкина «Капитан Гранд». 14. Фантазер. 15. Народная артистка РСФСР, солистка Большого театра. 17. Басня И. А. Крылова. 18. Великий русский зоучий. 19. Музыкальный инструмент. 21. Выдающийся русский живописец, пейзажист. 22. Герой повести молодого гвардии, ставшая разведчица в романе А. С. Пушкина «Капитан Гранд». 30. Роман И. А. Гончарова. 31. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 32. Автор романа «Фюрер». 33. Имя А. И. Куприна. 35. Украинский советский поэт.

ОТВЕТЫ НА КРИТОГРАММУ, НАПЕЧАТАННУЮ В «СМЕНЕ» № 1

1. Звончик. 2. Телеграмма. 31. Достижение. 41. Снасть. 5. «Хорошо». 61. Альпийский. 71. Орнстр. 81. Дюжес. 91. Ихьяр.

Нам навски счастливая юность дана,
Наша зловняя песня летит далеко.
Если радость есть,
Если в сердце радость,
Значит, жить хорошо и легко.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

- По горизонтали:
5. Манусовна. 6. Антракт. 9. Фрионит. 12. Визия. 14. «Земля». 15. Ригургаб. 20. Валдмир. 23. Паутина. 24. Катина. 25. Отряд. 26. Гоним. 27. Англия. 28. Ферфур. 29. Сияет. 32. Смерть. 34. Великий. 35. С. Блаженный. 40. Грибобод. 42. Дюсу. 43. Ренна. 46. Шалауда. 47. Тренат. 48. Минотрометр.

- По вертикали:
1. Габардин. 2. Остр. 3. Септима. 4. Автоном. 6. «Ангар». 7. Юрия. 10. Пародия. 11. Пиванно. 13. Кортин. 16. Альтемир. 17. «Филатро». 18. Мистролет. 19. Гаваннина. 21. Галдина. 22. Сарафан. 30. Толстой. 31. Дивер. 33. Кинина. 37. Брандиз. 38. Доблесть. 39. Бурав. 41. Серва. 44. Каира. 45. Штань.

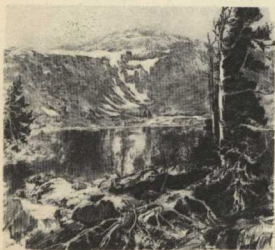
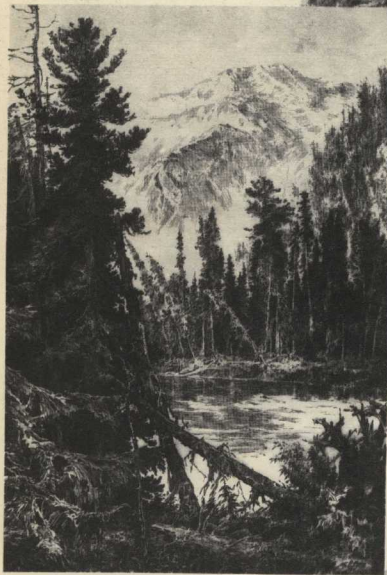
Редакторы: В. Ажаев, Г. Гуля, Е. Дюплатовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Кожува, М. Луконин.

Технический редактор О. Швова.
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правда», 24. Тел. Д-33424. А 00215. Подписано к печати 24/1 1955 г. Заказ № 4046. Тираж 250 000 экз. Формат бумаги 70 x 108/16. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

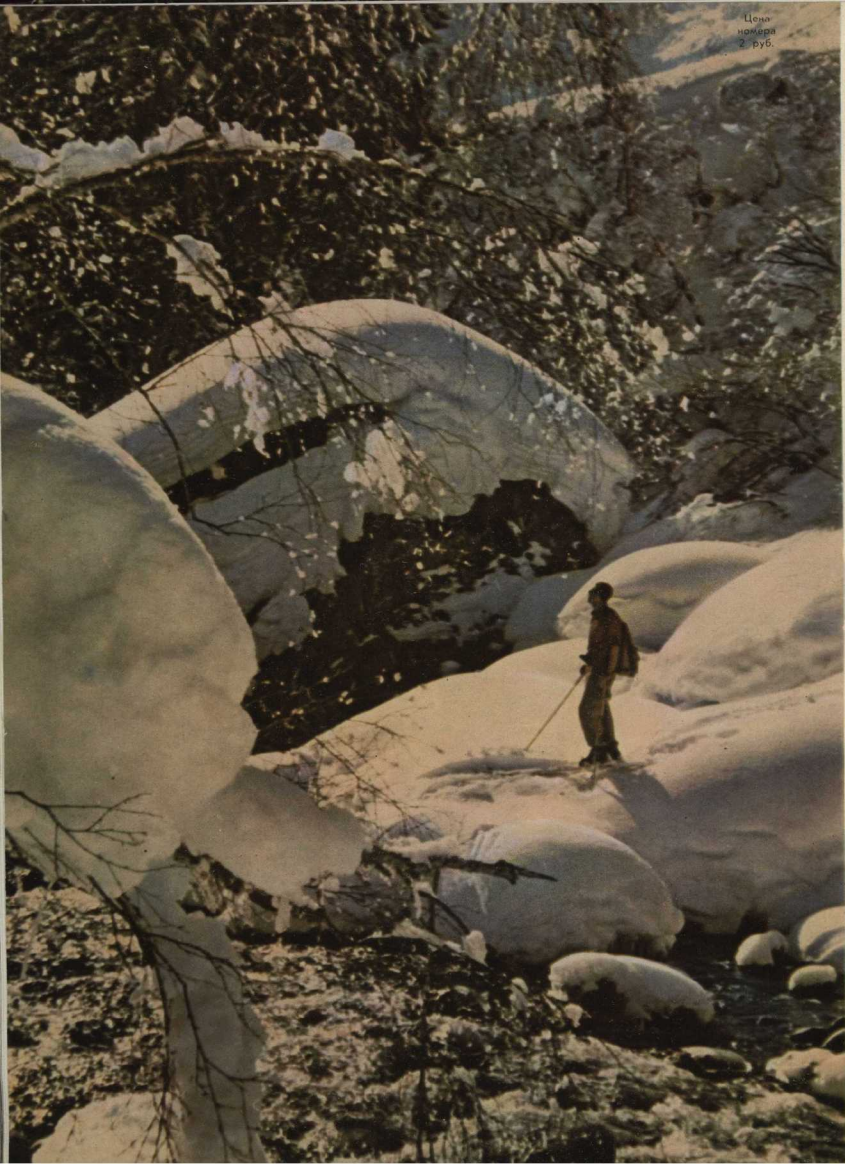
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

«САЯНЫ»

Изображено суровой и величественной природы родного края красноспинного художника Р. Гуды. Серия его рисунков «Саяны», выполненная в тонкой, выразительной манере, демонстрировалась на выставке произведений художников РСФСР 1954 года. Некоторые из этих работ мы показываем на нашей обложке.

Цена
номера
2 руб.

X

Ж